Боги войны

Автор:
Дмитрий Агалаков

Боги войны

Дмитрий Валентинович Агалаков

Серия исторических романов

Казаки были лучшими воинами всех эпох, в которых им выпадало жить. Наполеон говорил, что с казаками он бы завоевал весь мир. Казаки брали не только военным мастерством, но и звериной силой, выносливостью и ловкостью, а также заложенной в них самой природой стратегией боя. Жизнь на окраинах Московского государства, всегда находившегося в состоянии войны с грозными соседями, учила их побеждать. Они были истинными богами войны! Новый роман Дмитрия Агалакова посвящен четырем легендарным волжским казакам – Ермаку Тимофеевичу, Ивану Кольцо, Матвею Мещеряку и Богдану Барбоше. Их борьбе с Речью Посполитой на Днепре, победе над ханом Кучумом, а также беспощадной войне на Волге и Яике с Ногайской Ордой князя Уруса – еще одним злейшим врагом Московского царства.

Дмитрий Агалаков

Боги войны

© Агалаков Д. В., 2016

© ООО «Метропресс», 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

Об авторе

Современный русский писатель Дмитрий Валентинович Агалаков родился в 1966 году в Самаре. Еще с детства будущего писателя неудержимо влекло к изобразительному искусству – в первую очередь к рисованию и лепке. Этому была причина – в роду были иконописцы, странствующие по Русскому Северу и Уралу, и эта линия уходила в глубину веков. И Дмитрия отдали в художественную школу. После восьмого класса общеобразовательной школы Дмитрий Агалаков поступил в художественное училище, которое и закончил по специальности «художественное оформление». Затем была служба в Советский армии, откуда Дмитрий вернулся в чине младшего сержанта и с удостоверением командира БМП (боевой машины пехоты). И тут, в двадцать лет, судьба Дмитрия Агалакова круто изменилась. Родители – врачи-невропатологи и художники-любители – видели в нем только живописца или скульптора, но однажды вошли в его комнату на стук печатной машинки. «Что это?» – спросили они. И Дмитрий ответил: «Я не буду художником – я стану писателем». Но пока это был только оклик его музы! Только высокая мечта!

Дмитрий поступил на рабфак Самарского университета, на филологию, но, закончив его, резко изменил решение и успешно сдал экзамены на факультет театральной режиссуры Самарской академии культуры. Диплом режиссера он получит много позже, потому что ненасытная и жадная до всего нового писательская натура толкала его в разные профессии. Будут четыре года на филологии в госуниверситете, два года на этнографии в Академии культуры. Попутно Дмитрий будет работать и художником-иллюстратором, оформит первые вышедшие в России книги «Рэмбо» и «Терминатор». С двадцати одного года Дмитрий Агалаков пошел в журналистику – она станет для него еще одной профессией на всю жизнь. Дмитрий прошел все профессиональные ступени в газетах и журналах – работал репортером, корреспондентом, обозревателем, начальником отдела, выпускающим редактором, ответственным секретарем, замом главного редактора и главным редактором в различных изданиях. Сотни статей и очерков вышли из-под его пера. Много лет Дмитрий Агалаков отдал отраслевой журналистике – он работал редактором газеты «Самаратрансгаз», а позже редактором трех изданий корпорации «ЛУКОЙЛ-Волга» (журнала, газеты и альманаха), а также был замом генерального директора издательства РОСИНГ (Российское общество инженеров нефти и газа). Объездил в командировках половину российских нефтяных месторождений.

В 2000 году Дмитрий поступил на Высшие литературные курсы им. Горького при Литературном институте на факультет прозы и тогда же попал в обойму авторов издательства «Вече». В 2002 году на Международной книжной ярмарке на ВВЦ Дмитрий представлял издательство двумя книгами – «Империя черной королевы» и «Сокровище князей Белецких». С тех пор практически ежегодно выходят новые романы Дмитрия Агалакова в различных жанрах – детектив, фантастика, мистика, приключения. Немало уже написано книг и в жанре исторического романа. Здесь и русская история («Воевода Дикого поля», «Солдаты эры Водолея», «Волжский рубеж»), и история зарубежная («Аквитанская львица», дилогия о Жанне д'Арк – «Принцесса крови» и «Полет Орлицы»). Вернувшись после окончания ВЛК в Самару, Дмитрий основал в родном городе серию «ЛСК» («Лидеры Самарского края») по образу и подобию «ЖЗЛ». В этой серии стали выходить его романы о крупных исторических личностях старой, еще дореволюционной Самары, оставивших заметный след в истории всей России. Дмитрий неоднократно получал губернские гранты в области культуры. В 2009 году Думой городского округа Самары за роман «Князь Григорий Засекин» Дмитрий Агалаков награжден почетной грамотой «За заслуги перед городским сообществом». Этот же роман недавно был переведен в аудиоформат для школ слепых России.

В данный момент Дмитрий Агалаков готовит к изданию в серии «ЛСК» романы «Отец Самарской губернии. Константин Грот» и «Константин Головкин». Все свои самарские издания Дмитрий оформляет сам.

Избранная библиография Дмитрия Агалакова:

«Принцесса крови» (2006)

«Полет Орлицы» (2007)

«Воевода Дикого поля» (2009)

«Солдаты эры Водолея» (2010)

«Пантера Людвига Оппенгейма» (2011)

«Волжский рубеж» (2013)

«Аквитанская львица» (2013)

Пролог

Приходят люди на землю – радостно стучат их сердца. Ярко горят костры у их жилищ, и звёзды сияют только для них! Но время беспощадно. А человеческий век короток – пролетает как день! Те люди уходят – и гаснет их пламя, и ветер разносит от их костров пепел и дым. Следа не остаётся от хозяев мира. Улетают души – чья в небо, чья во тьму.

Прочь улетают, прочь!..

Поднимаются на земле грозные великие царства. Необозримые пространства охватывают они, и правители тех царств мнят себя земными богами. Из прекрасных дворцов властно взирают они на всех. «Мы – владыки мира! – говорят цари. – И роды наши пребудут вовеки веков!» Но, как от искры в засуху, сгорают леса и пустеет земля, питаемые завистью и корыстью, вспыхивают сердца и души царей, их народов, и вот уже царства сшибаются лбами, сея смерть и разрушения, и гибнут. И волны времени смывают их с лица земли, и только жалкие черепки, осколки тех царств, остаются в память будущим поколениям…

Так было и так будет.

И текут великие реки под солнцем, лезвиями сверкают под ним. Сотни тысяч лет пролагают они пути! Под яркими звёздами, подобно артериям, проходят они через всю необъятную землю. Точат неприступные скалы, и те покорно расступаются перед ними, рассекают равнины и чащи. Ищут они свой дом – моря и океаны! Реки, великие и малые, питают народы и цивилизации, дают им жизнь и благоденствие. Их воспевают, им возносят хвалу, обожествляют! И как же иначе? Исчезни великий Нил, и тотчас же выжгло бы солнце великую цивилизацию Египта – никого бы не пощадило! Обмелей живительные Тигр и Евфрат, уйди две артерии сквозь землю, и укрыл бы песок древнюю

Месопотамию, не оставив по ней и следа… И, не приведи господь, исчезни с лица земли Волга – Итиль – Ра – и обезлюдеют великие просторы Европы, изменится и оскудеет земля! Но не уходят реки – меняют свои русла, да! Но не уходят! Уйдут люди, жившие на их берегах, сгинут тысячелетние царства, пёстро укрывавшие землю и питавшиеся водой тех рек, но сами реки останутся. Их русла начертаны Создателем, им встречать новые поколения и провожать их.

У великих рек своя история! Но в нашей власти не только прикоснуться к ней, но и стать её частью.

Великая река Европы – Волга. Сама полноводная и щедрая! С одного берега другой кажется тонкой лентой. И сколько же племён обитало вдоль великой реки, считало её своей родиной! Клавдий Птолемей, географ Римской империи, нанёс её на свою карту, и называлась его река по имени египетского бога солнца – Ра. Пришли хазары на эту землю, основали грозную империю, и река стала зваться Итиль. Так звали и столицу Хазарского каганата в прикаспийских степях. А на среднем течении Итиля встало подчинившееся им Булгарское царство. Но князь Святослав разбил и хазар – вечных врагов славян, и булгар, опустошил оба царства, нанёс им незаживающую рану. Спустя века прошли вдоль берегов Итиля яростные татаро-монголы, вырезали половину булгарского царства, разрушили его города, покорившуюся половину жителей помиловали. Но забрали с собой её людей и потащили на запад – на Русь.

Тёмные и страшные времена сошли на нашу землю.

Золотая Орда – улус Джучи, империя сына Чингисхана, отныне правила на великих просторах от Азова до Китая. Правила и знала наверняка, что боги любят монголов – и не было на земле более могущественной империи! Даже Александр Великий не создавал такую! Даже Рим! А потом пришёл конец и этому царству. Слишком огромной была та империя! Измельчала она своими царями – ханами, впали в зависть и жадность её владыки, и затрещала она по швам. И вскоре распалась Золотая Орда на цепочку властных ханств. Так и шли они поясом с юго-запада от Понта Эвксинского и скифских степей: Крымское ханство, Астраханское, Ногайская Орда и Казанское ханство, казахские жузы в Средней Азии, и за Уралом – Великим Камнем – Сибирское ханство…

Случилось это в пятнадцатом веке от Рождества Христова, и звалась к тому времени великая река – ВОЛГА! А на смену пятнадцатому пришёл век шестнадцатый, готовый смести с лица земли и эти грозные царства…

Новое время входило в свои права, и новая империя зарождалась на землях монголов, не менее свирепая и удалая, воистину богатырская. И ещё более ненасытная до жизни! Потому что поднималась она из пепла, из рабства, из унижения и тьмы, и оттого не думала щадить никого…

Часть первая. Ярость в сердце

Глава первая. Око за око

1

В середине лета 1581 года из Сарайчика вышел пёстрый караван. Тут были и персидские купцы с охраной, и три сотни лучших ногайских бойцов из свиты князя Уруса, и русское посольство от царя Ивана Грозного. Караван вышел из столицы Ногайской Орды на Каспии и направился на север – к Волге. Жарко было в прикаспийских степях в эту пору! Жарко и вольготно. Не воевать хотелось – жить в мире, пить кумыс и вино! Это кому как его Бог позволяет. Дружно ехали русские и ногайцы, но не так было всего две недели назад. В те дни боярский сын Василий Пелепелицын, посол Москвы, готов был сложить голову в стане врага, но не уронить честь свою и своего государства.

А дело было вот как… Ещё весной царь Иоанн Васильевич принял решение отправить к ногайцам посольство с предложением мира. Вражда на Волге между русскими и ногаями затянулась и была не просто вредна государству Российскому, но и крайне опасна. Ливонская война вытягивала последние силы Руси. Запад, выдвинув нового вождя в лице Стефана Батория, с новой мощью ударил по русским границам. Королём Речи Посполитой уже был отвоёван Полоцк, а теперь окружён и взят в осаду Псков. С севера давили шведы: они уже заняли Нарву, Ям и Копорье. Крым собирал силы для нового набега. Сибирская Орда стала нападать из-за Урала. Волновались казанские татары, желая

освободиться от Москвы. А тут ещё жестокие бунты степняков на Волге – восстание черемисов, которым не было числа! Крымцы и казанцы подбивали их к этому.

Нельзя было ссориться с волжскими ногаями – только дружить.

Но как тут дружить, когда не затихала кровавая вражда между Москвой и степной Средней Волгой? Лучшие времена наступили для Москвы, когда она, став царством, покорила Астрахань и Казань. Присмирели тогда ногайцы. Поклонились русичам и поклялись в мире и покорности. Но что стоит слово степняка? Да ничего – пустой звук! Изменись только ветер – подуй иначе – и вот уже союзник – твой лютый враг! В годы, когда Русь лихорадило от войны с половиной Восточной Европы, когда в самом её сердце закружил смерч опричнины и она, поделённая надвое, измотанная, ослабла, из Крыма стремительно двинулся хан Девлет-Гирей. Он пролетел через Дикое поле, всю Южную Русь, обошёл засады и хищным зверем набросился на Москву. Девлет-Гирей сжёг столицу с её жителями и, сам напугавшись пожара, ушел назад, уведя в полон более сотни тысяч русских людей. А кто помог ему в этом набеге? Волжские степняки! Ногайцы! Те, что ещё вчера клялись в дружбе. Простить такое было нельзя. И в 1579 году расплата настигла врагов. Казаки во главе с Иваном Кольцо и Богданом Барборшей, перебив ногайские посты, ворвались в Сарайчик и превратили его в кладбище. Урус, которого в Сарайчике в то время не было, чем и воспользовались волжские разбойники, обиженно писал Ивану Грозному: «Этим летом приходили государевы казаки воевать и сожгли Сарайчик. Да не то что людей живых секли, мёртвых из земли вынимали и гробы разоряли! И то стало нам за великую досаду!..» Да, так всё и было! Москва разрешила этот погром! Казаки разрушили даже надгробные памятники, зная, как чтят своих умерших ногайцы. Насолили! А русский царь ногайским послам хитро отвечал: «На Сарайчик мы не хаживали, то беглые казаки приходили. От нас бегая, они живут то на Тереке, то на море, то на Яике и на Волге, а то на Дону. То, видать, донские к вам приходили…» А ведь знал Урус, что лжёт ему царь! Это была игра: кто кого передурачит. Ваньку валяли оба правителя – и московский, и ногайский. А ещё казаки громили ногайцев на переправах. И ногайцы продолжали терзать русские окраины. Москва хоть и предупреждала казаков не вторгаться глубоко на территорию Орды, но на всё закрывала глаза. И радовалась победам вольных казацких ватаг!

Но так шло до поры до времени. Пока перемирие с Ногайской Ордой не стало жизненно необходимым русскому государству. И не просто перемирие – Иоанн

Грозный хотел увлечь на свою сторону ногайского князя, вновь заручиться его поддержкой и пополнить ряды русской армии степняками. И вот к князю Урусу был послан Василий Пелепелицын – сын боярский, опытный дипломат и военный…

Он прибыл под Сарайчик во главе небольшого отряда. Горд был Василий Пелепелицын и тем, что он из родовитых русичей, и тем, что представлял самого русского царя. Именно поэтому, когда хан Урус во главе большой свиты выехал к нему, Пелепелицын остался в седле и гордо поглядел в глаза степняку.

– Желаю тебе здравствовать, князь Урус, – кивнул он. – Меня зовут Василий Пелепелицын, сын боярский. От Посольского приказа я на твоей земле. Царь всея Руси Иоанн Васильевич, старший брат твой, шлёт тебе поклон. И богатые подарки шлёт тебе, дабы твоя душа возрадовалась. От его имени говорить с тобой буду.

А Урус так и сверлил его недобрым взглядом. Фыркали лошади, отмахиваясь мордами и гривами от назойливых мух.

– Сойди с коня, боярский сын, – вкрадчиво сказал один из людей ногайского князя, – и поклонись до земли.

Но Василий Пелепелицын только нахмурился. Давно прошли те времена, когда русские князья на коленях вползали в шатры к золотоордынским ханам, которых именовали своими царями, и не смели головы поднять, пока им на то не давали позволения. Ногайский князь был данником и вассалом Руси и первым должен был спешиться. Но не в том положении была нынче Русь, и князь Урус сам ждал, когда же посол спрыгнет с коня.

– Слышишь, боярский сын? – окликнул его всё тот же родовитый ногаец. – На его ты земле, сам же сказал, на земле князя Уруса… А может, ты только говорить и умеешь? – Но Пелепелицын не смел и не желал кланяться до земли! Он представлял царя в прикаспийских степях! Напряжение нарастало. – А слухом ты не обделён, боярский сын?

Русские перешёптывались, ждали беды. Стреляли глазами ногайцы. Что-то должно было случиться! А потом князь Урус зыркнул узкими глазами-щёлочками на своего нукера, и тот метнулся к Василию Пелепелицыну; русский посол не

успел оглянуться, как наброшенный аркан сковал его по рукам; рванул в сторону ногайский конь, и посол вылетел из седла и рухнул на землю. Русские ратники схватились за сабли, но тут же оказались под прицелом полусотни ногайских лучников.

Но Василия Пелепелицына не стали катать по сухим летним степям, уматывая до смерти за дерзость, как сделали бы прежде, а так и оставили лежать в степной траве. Урус зло улыбался, глядя на униженного при всех, извивавшегося русского посла.

– Сучье отродье, – повторял, горя от гнева, Пелепелицын, – паскуда басурманская, чёрная душа! Сволочь проклятущая…

Он был унижен, оскорблён, раздавлен. Это и надо было князю Урусу. Но не только!

– Разоружить! – приказал Урус своей охране, и те бросились к русским, окружили их.

– Что делать будем, Василий Степанович? – спросили воины, готовые драться и погибнуть, коли надо.

– А что делать? – задыхаясь от злости, кивнул Пелепелицын. – Их вон – тьма! А нам ещё посольство надобно справить, пока мы на этом свете…

Русские отдали свои клинки. Их сняли с лошадей и отвели к большому походному шатру. Перед шатром пленников грубо обыскали, отняли все ценное, только кресты нательные и оставили и затолкали внутрь. Туда же бросили и посла. Вокруг поставили в два ряда охрану. Точно дикие звери в клетке оказались они.

– Что думаешь, Василий Степанович? – в душном шатре спросил один из своих.

– А что тут думать? – усмехнулся Василий Пелепелицын. – Это сейчас они думают. Вырезать нас или для потехи оставить. Нам, братцы, ждать надобно и молиться…

Несколько дней протомились посланники русского царя, ожидая своей судьбы. Кормили их как собак, забрасывая в шатер плошки с кашей. Воды давали мало. И только потом, к измученным, пришли ногайцы от князя.

– Идём, – сказал княжеский человек. – Князь Урус ждёт тебя.

В те дни, когда русские послы ждали своей судьбы в плену у князя Уруса, многотысячное войско ногайцев вышло из степей, переправилось через Волгу и набросилось на окраины Руси. Особенно пострадал город Темников, всю округу которого ограбили и пожгли. И вновь, пока сотни степняков рыскали по селениям, потянулся полон в Ногайскую Орду.

Пелепелицына, готового к унижению и расправе, привели и поставили пред очами князя Уруса. Тот сидел на подушках, на устланном коврами полу, скрестив ноги, и тянул из пиалы кумыс. Вокруг него сидели и смотрели на русича другие ногайцы. Сесть царскому послу князь не предложил.

– Поглядел я на подарки твоего царя, боярский сын, – усмехнулся Урус. – Хороши подарки, беру. Говори, чего хочет от меня ваш добрый царь? – хоть и говорил спокойно, но закипал уже князь Урус. – Хотя и сам знаю: мира он хочет! А только заслужил ли он этот мир? Сколько лет натравливает он на меня казаков, а?! Сколько лет они убивают моих воинов и воруют наших женщин и детей! Сколько лет терпим мы эту беду?!

Пелепелицын понял: не для расправы пригласили его – для разговора!

– Мой царь, князь, предлагает забыть обиды – навеки забыть, – сказал посол. – И предлагает тебе быть у него на службе супротив ливонцев. Заново станешь ты ему кровным братом после этого и верным другом.

– Знаю я, отчего ваш царь хочет мира, – повторил с усмешкой Урус. – Со всех сторон вас окружили! Точно зверя травят! А сил у вас мало осталось! Ещё неизвестно, быть вам, русским, или не быть? А то ведь раздавят…

– Может, сил у нас и менее, чем прежде, – ответил усмешкой храбрый Пелепелицын. – Но на степь хватит. Уж поверь мне…

– Что хочешь сказать мне этим, русич? – нахмурился князь Урус, лицо его исказилось от гнева. – Вызов бросаешь?

– Говорю как есть, князь. – Посол шёл напролом. – Ты прав: может, самому царю и не до Сарайчика нынче. И других дел и забот у него – прорва. Но открою тебе секрет, потому как терять мне более нечего, кроме жизни. Только своим царским словом царь наш батюшка удерживает казаков и волжских, и донских, и яицких от похода на Сарайчик. – Пелепелицын твёрдо встретил гневный взгляд Уруса. – Не от себя я говорю, князь! От лица государя своего. И не лукавлю! Он мне так повелел сказать. Передай, говорит, с подарками князю Ногайской Орды Урусу, что еле сдерживаю казаков всех окраин от похода в каспийские степи. Уже давно казаки точат сабли на ногаев, вновь, как и два года назад, хотят пройтись огнём и мечом по ногайским улусам и вновь сжечь столицу вашу.

– Врёшь! – воскликнул Урус и швырнул в сторону пиалу. – Врёшь, московит!

– Не вру, князь! Вот тебе истинный крест, что не вру, – широко перекрестился Пелепелицын. – Правду говорю! Скажи князю, сказал мне царь, мочи больше нет удерживать казаков от большой войны. Многие тысячи готовы выдвинуться с русских рек. И сговорились они уже. Москвы только и опасаются, не хотят ссориться с царём казаки. А ты сам знаешь: буйны у них головушки, остры сабли и пики, горяч свинец! Ни своей жизни, ни чужой не жалеют. Дикие они и сердцем, и душой. И ой как степь не любят! – Посол даже головой покачал. – И мести хотят за Русскую землю поруганную! Не мои это слова, – глядя в искажённое от гнева лицо ногайского степного владыки, смело говорил Василий Пелепелицын, – не мои, князь. Иоанна Васильевича! Убьёшь меня – в лицо царю плюнешь. И хоть и ослаб он маленько от врагов наших, которые повсюду роятся, так что с того? Они всегда роятся, а Русь-то стоит и границы свои раздвигает. Нынче – худо, завтра – с горой блюдо! Так говорит наша пословица. Тебе решать, князь, как быть. Не буди лихо, пока тихо, говорим мы. Не иди против царя всея Руси. Издали гора мала кажется, а подойдёшь – полнеба закроет. К мудрости твоей взываю, князь…

Договорил Пелепелицын и стал ждать своей судьбы и своих товарищей. И правильно. Князь Урус, зло глядя на посла, сейчас решал: жить им или не жить. Да только одно дело – жечь и грабить окраины Русского государства, и совсем другое – зарезать царского посла в княжеской ставке. Это и впрямь – обида смертельная. Лютая. Вечная. Ногайская Орда – не Золотая былых лет, где легко

решали судьбы всех русских князей. Кому – ярлык на княжение, а кому – смерть и позор. Теперь всё иначе. Да к тому же боялись ногайцы казаков – этих матёрых зверюг. Выскакивали, точно из-под земли, и брали всё, что хотели. Добро, женщин, детей! Степняков мужчин под нож. И растворялись по рекам да в море, куда ни один степняк ни за какое золото мира и не сунулся бы. И страшны были казаки в битве: никто не мог сравниться с ними. А если и впрямь все придут сюда: и волжские, и донские, и яицкие? На этот раз пощады никому не будет! Только отвернись! Не то что могилы разворошат, как в прошлый раз, – стены Сарайчика сроют под корень!

И Урус решил: хватит войны! Пора заключать мир с Москвой. Пора отзывать своих разохотившихся до грабежа мурз. Что взяли, то взяли. На этом пора и закончить.

– Я согласен помириться с твоим царём, – сказал Урус. – Но только на том условии, что казаки близко не подойдут к моим владениям. Только так. Коли обманут, то я буду считать, что сам царь нарушил наш договор.

– Идёт, князь, – с величайшим облегчением кивнул Пелепелицын.

Он уже понял, что смертушка рано показала зубы, что ещё не срок ему помирать.

– Дам тебе посла и три сотни моих людей, – сказал Урус, – чтобы ты границу нашу мог пройти. А то, говорят, нынче там неспокойно. Там, слышал я, кое-кто из моих мурз, особенно претерпевший от Москвы и казаков, порядки свои наводит. Вот от них-то и хочу тебя уберечь, Василий Пелепелицын. С почётом поедешь, сын боярский! И не таи обиду, что с коня тебя силком снял. Всё, что тебе и твоим людям принадлежало, я верну. Я казакам простить не могу их налётов. Сжёг бы их всех на одном костре! Живьём бы в котле сварил, шайтанов!

2

И вот теперь уже ногайское посольство во главе с Василием Пелепелицыным и послом Хасим-беком, племянником князя Уруса, оставив Яик и пройдя

прикаспийские степи, двигалось вдоль реки Самары к Волге. Триста ногайцев охраняли послов. С посольством увязался ещё и бухарский караван с охраной из узбеков, который дошёл до Сарайчика и ждал надёжного сопровождения. Караван хотел попасть в Казань и Нижний Новгород, парчу и шелка выложить на прилавки больших русских городов.

Там, где река Самара впадает в Волгу, и остановился караван из Сарайчика. Какие же это были места! Добрая река впадает в великую! Такое раздолье, что и не насмотришься! Да только дело торопило. Надо было переправляться на правый берег. Целое войско перевести с одного на другой!

– Как поступим, боярин? – подозрительно спросил Хасим-бек у Пелепелицына. – Что думаешь? – Он то и дело поглядывал на великую реку, широкую, свинцово-синюю, с лёгкими белыми барашками на летнем ветру. – Знаю эти места: злые они…

Насторожённым был ногаец: вражья территория открылась им – удалая река! Казацкая территория…

– А что тут думать? – откликнулся Василий. – Не было б коней – наняли бы струги и двинулись вверх по Волге. Но так супротив течения будет, не поплыли бы мы – поползли. А нам поторопиться надобно. Да и в Девьих горах небезопасно. (Хасим едва заметно кивал, соглашаясь с ним.) Но так на то у меня царская грамота есть, – ободрил его Пелепелицын, – перед ней любой разбойник шапку сломает. А не сломает, заупрямится, заартачится – головой поплатится! Нам переправа нужна…

И только сказал он это, как один из его людей окликнул командира:

– Василий Степанович! Вон, гляди, дымок! А там лодка! Да налево гляди! Рыбаки там, что ли?!

Василий Пелепелицын с парой своих воинов быстро пронеслись вдоль берега. И впрямь, внизу, на песке – рыбаки! Два бородатых мужика, крепкие и жилистые, в длинных подмоченных рубахах, смотрели на них. Один – огненно-рыжий, другой – чернявый и смуглый. И еще молодой белобрысый парень, совсем юнец. Ясно было, на топот копыт и встрепенулись мужики – и тотчас подскочили, едва гости остановили коней над обрывом. Поодаль у берега стояла рыбацкая лодка. На

берегу, на колышках, сушились сети. В пяти деревянных вёдрах, сверкая серебристыми боками, плотно лежала пойманная рыба. Прикрыв ладонями глаза, рыбаки щурились на гостей. В бороде и волосах мужиков сверкала на солнце вода.

– Кто такие? – спросил Василий Пелепелицын.

– А ты кто таков, добрый человек? – с вызовом спросил рыжий.

– Не дерзи, мужик, пожалеешь, – грозно сказал посол.

У рыжего, скуластого, с хитрым взглядом, в ухе сверкала золотая серьга. Рыбак, да не простой! Чернявый легонько цыкнул на товарища: мол, не лезь в бочку! Но лица мужиков быстро успокоились: свои глядели на них – русские. Только юнец всё ещё беспокойно оглядывал вооружённых гостей.

– Кто вы и откуда? – задал вопрос Пелепелицын.

– Господа Бога мы, добрый человек, и будем! – откликнулся огненно-рыжий, скуластый и лукавый взглядом. – Чьи ж ещё?

– Все мы под Богом ходим, – кивнул Пелепелицын. – Хозяин-то есть у вас?

Те озадаченно переглянулись.

– Так мы сами себе хозяева, добрый человек! – откликнулся рыжий мужик с серьгой в ухе. – Живём-можем, никого не тревожим!

– Только с рыбкой и разговариваем! – поддакнул ему смуглый и чернявый. – Мы ей шепотком, мол: поди сюда, а она нам ещё тише: как рак на горе свистнет, так сразу! Смирные мы! Смирнёхонькие!

– Шутники, – покачал головой Пелепелицын. – Ой, шутники…

– Да так жить веселее, добрый человек, – поддержал товарища первый, рыжий. – С прибауткой-то. Верно, Стёпка? – спросил он у юнца.

– Ага, – кивнул тот.

– Ну, коли Стёпка Пчёлкин согласен, стало быть, так оно и есть, – подтвердил чернявый.

– Кто часто шутит, того черт не забудет, – мрачно отозвался царский посол. – Для кого рыбку ловите? Куда вам пять вёдер? Ну?

Рыжий поскрёб скулу.

– Так мы её подсолим да подвялим – про запас!

Василий Пелепелицын внимательнее оглядел мужиков, особенно рыжего.

– Беглые, видать? – усмехнулся он. – Коли так далеко забрались! Ну да мне дела до того нет! Говорите – ловить не буду!

– Не наводи напраслину, барин! – обиженно возмутился всё тот же огненно-рыжий. – Мы с Севера – свободные мы! – На Русском Севере и впрямь все были свободными. Скажешь: с Севера я, и вопросов к тебе нет. – А тут теплее! – пояснил мужик. – Вольготнее! Верно, Стёпка?

– Ага, – вновь кивнул тот.

Рыжий хитрец пожал плечами:

– Ну, коли Стёпка Пчёлкин согласен…

– Стало быть, так оно и есть, – серьёзно договорил за него Пелепелицын.

Царёва посла Василия Пелепелицына беспокоило вот что: в этих местах, где Самара впадала в Волгу, никто не селился. Ногайцы проникали сюда редко и только большим числом, вот как сейчас, потому что люто боялись казаков; казаки бывали чаще, но осторожно, потому что опасались ногайцев. Казаки вырезали степняков, не мешкая, а ногайцы, попадись им вольный казак, и шкуру могли с живого снять. Чтобы помучился, чтобы смерть медом показалась! Река Самара славилась ещё и тем, что отсюда в раздольную Волгу вылетали на

быстрых стругах казаки-разбойники, если увидят какой караван, ползущий вверх по великой реке на торг или вниз, к Каспию, домой.

– Казачков тут не видели? – оглядывая холмы, подступавшие к реке, и саму реку, золотую на солнце, спросил Пелепелицын. – Нет здесь вольных птиц наших окраин? Государевых пасынков?

– Да никого тут нет, – ответил рыжий. – Тишь да гладь! Райский уголок! Господь глядит с небес да умиляется!

– Хочешь, рыбкой тебя угостим, добрый человек? – спросил чернявый. – Хочешь, щукой, хошь, судаком, а хочешь, и стерлядью?

– Только о том и мечтаю! – усмехнулся сын боярский. – Будет шутить, мужики. Я царёв посланник, человек серьёзный. У меня к вам дело. Мне надобно на ту сторону караван бухарский перевести и целое войско. Конное войско! Как это сделать?

Мужики и юнец вновь переглянулись.

– А как? – пожал плечами рыжий. – Богатырей твоих в лодки посадить надо. А лошадок, коли их много, на плоты. Только так. А сколько богатырей-то?

– Людей полтысячи будет или около того.

– Мама родная, – пробормотал рыжий мужик.

– Войско! – вторил ему Стёпка Пчёлкин.

– А лошадок и того больше. Ну, советуйте! Где столько лодок взять и плотов?

В третий раз переглянулись мужики.

– Десятью лодками обойтись можно будет, – предположил рыжий, – коли целый день возить. А вот плоты срубить ещё надо. Да и лодочки достать по округе. Друзей-товарищей покликать. Тут одним днём не обойдёшься…

– А кто друзья-товарищи? – поинтересовался Василий Пелепелицын. – Такие же шутники, как и вы? – Он подозрительно усмехнулся. – Тоже с Севера?

– И с севера есть, и с юга, – цепко глядя в глаза послу, ответил огненно-рыжий рыбак. – Волга – она всем мать, всех приютит, никого не обидит! Ну так что, скликать нам друзей-товарищей? У Стёпки ноги быстрые – всю округу обежит! Верно, Стёпка?

– Ага, – весело кивнул тот.

– Так что, подождёшь, добрый человек? – спросил рыжий.

Василий Пелепелицын взглянул на своих воинов.

– Мы подождём, сколько будет надо, – сказал он. – Другого-то всё равно нет. За двое суток управитесь? – Он кивнул мужикам. – Поможете – награжу!

Те пожали плечами, что означало: очень может быть.

– По рублю на брата! – кивнул Пелепелицын.

– Ого! – воскликнул рыжий. – Хорош будет улов!

– А как зовут-то вас, работники? – спросил посол.

– Меня – Соловей, – хлопнул по сухой груди рыжий, – его – Вороной. Так и кличут! Ну а третьего – сам знаешь!

В эту минуту на холме показались несколько ногайцев во главе с послом Хасим-беком. Ногаец с прокопчённым лицом, в длинном кафтане, расшитом золотом, недобро поглядел на рыбаков.

– Кто такие?

– Рыбаки, господин посол, – откликнулся Василий Пелепелицын. – Мирные люди. Вроде как…

Опасливо озирая ногайцев, рыбаки поклонились. Степняки волжским рыбакам нравились ещё меньше! Мужики-то сдержали неприязнь, а вот юнец не успел: так и вспыхнули ненавистью глаза! Тёмное дело, могли решить мужики, коли царские люди, русские воины, вместе с ордынцами путешествуют! Дело, ничего хорошего им не сулящее.

– Ну так что, два дня? – спросил Василий Пелепелицын. – Со мной ногайский посол – мне его как можно скорее в Москву доставить надобно! Только на вас и надежда!

Мужики в который раз пересеклись взглядами.

– Всё будет, барин, – кивнул рыжий. – Только три дня нам дай. Нам и товарищей скликать надо, и лодки найти, и плоты для лошадок друзей ваших соорудить. Три дня, барин, и всё будет! – Он хитро осклабился. – Головой ручаюсь!

3

Три дня стучали топоры. Ватага рыбаков-корабельщиков собралась знатная. Откуда пришли на берега Самары и Волги эти люди? Василий Пелепелицын только качал головой, когда смотрел на своих наёмных работников. Все ловкими были, хваткими, умелыми! Да мало ли людей бродило по волжским просторам? Вольным, ничейным берегам!

– Откуда вы все? – спрашивал у них посол.

– Да оттуда, – отвечали крепкие бородатые мужики, по пояс голые, и показывали кто куда: влево и вправо, назад и вперёд.

Соловей как-то поинтересовался у посла:

– Это как же ты, государев человек, с нерусью-то схлестнулся, а?

– Царь велел, вот и схлестнулся, – усмехнулся Пелепелицын.

– А не горько было?

– Горько, Соловей, горько. Да дело важнее наших печалей!

– Извести бы всех ногайцев да под корень, – под стук топоров молвил рыжий. – Признайся: чешутся руки? Хочет того сердце?

Посол только посмеивался:

– А с ними бы и поляков, и черемисов, и шведов, и литву, и татар крымских, и хана сибирского, и султана турецкого! Вот бы вольготно было!

– Вот и я говорю, – оживился Соловей, – на середину Волги отвезти всех да утопить, как щенят безродных! А с этих-то и начать…

– Цыц! – тихонько бросил в его сторону Пелепелицын. – Разговорился! Работайте, мудрецы, царь сам разберётся, как ему быть со своими недругами! Без вашего ума!

Мужики снисходительно пожимали плечами. И впрямь, не их это дело! Бухарский караван привлекал внимание. Набитые тюки манили глаз.

– А скажи, государев человек, чего персы-то везут? – спрашивал Соловей, бывший за старшего меж строителями, у Пелепелицына. – Парчу да шелка небось? Пряности? Караван-то какой нарядный! А то и золотишко? А, барин?

– Больно ты любопытен для рыбака, – усмехался в короткую бороду Василий Пелепелицын. – Чересчур любопытен! Скажи мне честно: колобродил на русских реках, а?

– Ну, может, и не только рыбку я ловил! – посмеивался Соловей в огненную бороду. – Может, и татар крымских ловил. А может, и на Каспии нерусям житья не давал. Жизнь-то за спиной длинная! А сам ты, государев человек, Василий Пелепелицын, что поделывал десять годков назад, когда татары крымские всю Русь пожгли, а ногайцы, – он кивнул на шатры степняков в отдалении, – вот эти вот, им помогали?

– Дрался я с ними, – разом став хмурым, злым, ответил посол. – Страшно дрался. Всех хотел перебить. До единого! Сюда, до Волги, добраться, до Каспия, а потом и до Крыма. И жён их, и детей – всех хотелось вырезать. Всё сжечь – дотла! Потому что видел я, как Москва горела в том году, видел, сколько полону нехристи уводили. Всё видел, Соловей.

– То-то и оно, сын боярский. И не суди строго, что смотрю я косо на эту сволочь.

Василий Пелепелицын тоже взглянул на стан ногайцев.

– Ну так на следующий год, при Молодях, мы им припомнили. Под знамёнами князя Воротынского да князя Хворостинина. А потом через всё Дикое поле гнали. Днями гнали! Никого не щадили. Дали бы волю – и до Крыма бы дошли. Нам бы тогда рати побольше – извели бы их корень… Но язык всё же не распускай, Соловей, – уходя, наказал он.

Главное – дело шло. Матёрые работяги валили лес, обрубали ветви. Подгоняли брёвна друг к другу. Делали зарубки на брёвнах и крепко стягивали их верёвками. И сколачивали другими брёвнами поперёк, чтобы крепче были, не рассыпались под лошадьми. Стёпка Пчёлкин передавал приказы старшего – Соловья. Русский посол улыбался, глядя на работников. Сил мужики не жалели – старались на совесть. Ногайский посол смотрел на них с непроницаемым лицом: он не любил и презирал этих людей. Пухлый водитель персидского каравана в пёстром халате и чалме, при ятагане у широкого пояса, тоже с неприязнью морщился, глядя, как раздуваются мускулы на крепких торсах мужиков, как ловко и легко взлетают топоры в их тяжёлых руках и опускаются так неистово, точно головы рубят. Тут же в котлах мужики варили пшено и сало. Ох, приглядеться бы тогда Василию Пелепелицыну к этому простому, но такому вкусному и сытному блюду! Ох, приглядеться бы! Непростым оно было – знаменитым! И не где-нибудь, а на русских окраинах. И, конечно, мужики варили уху! Рыбы-то было вдоволь: закинь разок сеть – и вот уже все сыты. Ногайцы ели конину. Лошади послабее всегда, в любом переходе спасали желудки и жизни степняков! А лошадей за армиями кочевников всякий раз шло великое множество.

К концу третьего дня флотилия была готова. Десяток плотов томился у берега. И лодок уткнулось носами в золотой песок десятка полтора.

– Как и обещали, барин, – сказал рыжий, по прозвищу Соловей. – Три дня. Милости просим в дорогу!

Солнце уже садилось, алым клубком горя за тёмными заволжскими лесами, расплывалось рыжим огнём по реке. Темнота быстро сгущалась над водой.

Ногайский посол Хасим-бек подъехал к русскому послу.

– Не дело это – сейчас переходить реку, – сказал он. – Не дело ночью оказаться на том берегу. Потеряемся все!

– Казаков боишься? – усмехнулся Пелепелицын.

– Не боюсь – опасаюсь, – зло зыркнув глазами-щёлочками, ответил тот. – На меня большая честь возложена – письмо вашему государю доставить. Мир между нами сохранить. Убьют меня – Урус не простит это белому царю. Сам знаешь.

– Разумно, – кивнул Пелепелицын. – Поплывём на рассвете! – бросил он своим кораблестроителям. – На зорьке поплывём…

– Как скажешь, барин, – развёл руками Соловей, внимательно слушавший разговор двух государственных мужей.

В эту ночь, как и в предыдущие, ногайцы расставили охрану. По периметру лагеря горели яркие костры. Через каждые четыре часа стража менялась. Бухарский караван ночевал в центре, от греха подальше. Но слишком большим было войско под руководством Пелепелицына и Хасим-бека – кто нападёт на такое? Каким числом супротив встать надобно?

Нет в округе такой рати и быть не могло.

Едва небо стало светлеть, пошли окрики сторожевых по войску. Сотни людей зашевелились у потухших костров. Распевавшиеся в предрассветной тишине птицы испуганно вспархивали из деревьев. Войско поднималось. Оживал и бухарский караван. Василий Пелепелицын окунулся в реку, быстро облачился в ратную одежду. Стоя на обрывистом берегу, он смотрел на ту сторону. Там, от правого берега Волги, открывался путь на Москву, с левого берега – на Азию и

Камень. В этих местах Волга широким водоразделом шла между двумя мирами – русской цивилизацией и ордынской вотчиной. А дикой степной стороне не было ни конца, ни края! Большие и малые ханства раскинулись там, и одна была радость русскому человеку, что эти азиатские государства никак не могли договориться друг с другом.

А левый берег уже бурлил. Наспех ели ногайцы вяленую конину. Запивали чаем.

Мужики, поднявшиеся прежде ордынцев, с особым любопытством наблюдали за ногайской ратью. Теперь им предстояло переправить степняков за великую реку. Злые искорки то и дело вспыхивали в глазах русских. Ненавидели они лютой ненавистью это племя грабителей и насильников, беспощадных разрушителей своего мира, злой саранчой набегавших на Русь. Сама человеческая природа разделила два племени: славян – людей, которые не могли жить без пашни, без городов, вся жизнь которых была нацелена на созидание, возделывание мира вокруг себя, и кочевников, перекати-поле, которые, как паразиты, существовали так, как существует саранча: набегами, обиранием одной земли и переходом в землю другую. Два этих племени никогда не смогли бы ужиться рядом, потому что вторые всегда думали бы только о том, как, ничего не делая, проехаться на горбу у первых.

Но слишком много беды и горя принесли степняки славянам. Слишком часто, нападая великой тьмой, они были сильнее! И жестоко платили за сопротивление своей воле. Поэтому, глядя на азиатов, русские научились умирять свою ненависть, скрывать свои истинные чувства. Так завещали им отцы и деды, чтобы выжить. Самим оставить потомство.

– Как повезёшь? – спросил Пелепелицын рыжего командира флотилии, вставшего за его спиной и не смевшего окликнуть царского посла, ожидавшего, пока тот сам не решит заговорить.

– Да знамо как, – пожал плечами Соловей. – Поначалу твоих косоглазых на лодках – всю твою степную рать бесовскую, – усмехнулся он. – Плоты-то помедленнее пойдут, раз этак в пять, а то и в десять. Пусть они на той стороне своих жеребцов и ждут. А потом и ловят их. Затем плоты на нашу сторону вновь переправить надобно будет. Да только опять их снесёт – вверх возвращать придётся. А вторым заходом караван и посольство отправим. На весь день переправа растянется. Как, государев человек, сгодится так?

– Сгодится, – кивнул Пелепелицын. Он заглянул в глаза рыжему с серьгой в ухе. – Да скажу в который раз, Соловей: попридержи язык. Мой тебе совет. Услышат ногайцы – отрежут.

– Попридержу, боярин, да только самый чуток, – откликнулся тот.

Пелепелицын и посол Хасим-бек дали приказ грузиться. Командир конницы Нарыс-Урум, разъезжавший на приземистом мускулистом скакуне по рядам своих воинов, молчал, а потом вдруг негодующе взорвался:

– Нехорошо это – войско делить, Хасим-бек! Совсем нехорошо! – он то и дело бросал недобрые взгляды на Пелепелицына. – Как же так? Мы на том берегу останемся, а ты здесь?

– Посол Василий Пелепелицын, царёв слуга, князю Урусу слово дал, что охранит нас в случае беды, – взглянул на царского вельможу ногайский посол. – Так, сын боярский?

– Так, Хасим-бек, так, – кивнул русский посол.

– Вот пусть и держит своё слово, – следом кивнул и ногаец.

– А голову положишь, посол, за свое обещание? – негодующе спросил Нарыс-Урум у русского посла.

– И голову положу, если будет надо, – ответил тот.

Командир ногайской конницы хлёстко ударил плетью по крупу своего коня и помчался вдоль первой выстроившейся сотни.

Маленькая армия нашла пологий склон. По команде степняки стали загонять на первые плоты лошадей. Те упрямились, точно готовились к страшному испытанию, но шли. На каждом плоту разместилось лошадей по двадцать. И по нескольку ногайцев на каждый плот – охранять своих боевых коней. Грести взялись русские мужики: от ногайцев в этом деле было мало проку.

– Только бы не перепугались, не рванули за борт, – покачал головой один из русских ратников.

– У них кони послушные – не должны, – откликнулся Пелепелицын. – Вот только течением наши плоты далеко унесёт. Ну так ничего не попишешь!

Куда проще было с ногайцами: их усадили в лодки. В эти летние дни Волга текла спокойно, волны не перебивали друг друга, так что по десять – пятнадцать человек легко забралось в каждое речное судёнышко. Ненавистная свинцово-синяя гладь открывалась степнякам. От большой воды веяло смертью. Вольным русским духом, звериной казацкой злобой. Ну так что тужить? Чего лишнего думать? Налегай на весла – и через часок будешь на той стороне!

– Соловей, можно я с тобой? – на берегу горячо попросился Стёпка Пчёлкин.

– Я тебе дам со мной! – зыркнув в сторону Пелепелицына, серьёзно цыкнул тот. – Спятил, Стёпка? Жди нас на этом берегу: ты своё дело сделал! Всех облетел, рыбачок? И ты вот что, как только отойдём, беги отсюда! Понял?

– Ага, – хлопая глазами, кивнул Стёпка Пчёлкин.

– Понял, спрашиваю? – грозно повторил Соловей.

– Да понял я, понял! – ответил светловолосый паренёк.

И когда Пелепелицын остановил на них подозрительный взгляд, Соловей нарочито легко добавил:

– Передохни, Стёпка! День только начинается! Разгорается только денёк-то!

– Ну что, Соловей, плывёте? – окликнул его Василий Пелепелицын.

– Плывём, сын боярский! – зычно ответил рыжий мужик Соловей. – В тесноте да не в обиде, – приговаривал он, сам усаживаясь за весло головной рыбацкой лодки, где уже сидел на носу грозный и недоверчивый Нарыс-Урум. – Всех перевезём, никого не забудем!

И вот уже с десяток лодок отчалило от берега и пошло на ту сторону. Стёпка Пчёлкин, приставив ладонь к глазами, наблюдал за неповоротливой флотилией. Течение сносило лодки, но куда сильнее на лёгких волнах оно уносило тяжёлые плоты, неуклюжие, неповоротливые, которые преодолевали поперечное расстояние с большим трудом! Лошади жались друг к другу, задирали головы и ржали; ногайцы крепко держали уздечки и покрикивали на животных. Сидя в седле, Василий Пелепелицын смотрел на степное войско и мял подбородок. Вспомнив слова рыжего Соловья, и сам подумал: «Эх, кабы всех ворогов взять бы вот так да на середину Волги – вот была бы потеха! Сдюжила бы река! И Господь бы простил!»

Предводитель персидского каравана в пёстром халате, чалме и при ятагане, в окружении охраны и купцов, тоже взирал с берега на своих защитников-ногайцев. Далеко теперь они были! По утренней глади всё дальше от левого берега Волги уходили лодки – и с плотами, на которых теснились лошади, их разделяло всё большее расстояние…

Но и на этом берегу осталось довольно бойцов. Три десятка русских воинов, ещё два десятка ногайцев с послом Хасим-беком и человек тридцать туркмен, охранявших богатый караван. А была ещё и прислуга, погонщики верблюдов…

Лёгкий утренний туман поднимался над водой. Десятки вёсел шумно вырывали пригоршни воды и вновь уходили вглубь. Слева осталось устье реки Самары, впадавшей в Волгу, и большой остров, разделявший Самару на два рукава. Перед ногайцами, крепко вцепившимися в борта лодок и опасливо глядевшими на воду, разрастался правый берег Волги – серый и безмолвный в утренней дымке. Становилась всё четче прибрежная полоса песка, обрывистый берег над ним и густой лес, подходивший близко к обрыву.

Командир конницы Нарыс-Урум сидел на носу плывшей впереди других лодки и пристально смотрел на чужой берег: сюда, на правобережье, они если и ходили, то раз в несколько лет, и большим войском. Грабить, убивать, брать полон – и с добром возвращаться назад. На Каспий!

– Отчего мы не плывём за нашими плотами вниз? – спросил Нарыс-Урум у налегавшего на вёсла Соловья. – Зачем так отстаём?

– Так нам тогда против течения возвращаться надо будет, – ответил рыжий с серьгой в ухе. – А времечко дорого. Да и что зазря силы тратить? Вы вдоль бережка сами и пройдёте, а мы за добром бухарским поплывём. Нам ещё два раза – туда и обратно. Или не так?

Пронзительно скрипели уключины, вздувались узлы мышц на руках и плечах Соловья, и нежные всплески убаюкивали острый слух степняков.

– Так, русич, так, – кивнул Нарыс-Урум.

И вот уже Волга осталась позади. Лодка начальника конницы первой и уткнулась в прибрежный песок. С великим облегчением ногайцы стали выбираться из утлых рыбацких судёнышек. Земля – вот их стихия! И, конечно, всех интересовали плоты с лошадьми, чьё жалобное ржание так и летело по великой и всё ещё спавшей реке. Плоты пока были на середине Волги: их заметно относило течением.

Две с половиной сотни ногайцев выбрались на берег.

– Ну так что, господин, отпускаешь ты нас за товарищами вашими? – не выходя из лодки, спросил рыжий Соловей. – За послом вашим?

– Плыви, – сказал Нарыс-Урум. На берегу он почувствовал себя увереннее. – Да поторопись, мужик!

– Даже не беспокойтесь, – переглянувшись с товарищами, ответил Соловей. – Туда и обратно! Ветерком!

И рыбачьи лодки быстро отчалили от берега и стали уходить по реке к противоположной стороне, чуть забирая влево, против течения. Работая вёслами, Соловей всё глядел на берег, на ногайцев, и вдруг сказал:

– Прощайте, степнячки, дьяволово отродье, прощайте… – И как же загорелись глаза Соловья, когда он увидел то, чего никак не могли увидеть ногайцы. – Глянь, Вороной, – окликнул он товарища, – сейчас потеха начнётся! Ой, начнётся!

Они отпустили вёсла и поднялись, широко расставив ноги от борта к борту. Другие лодки тоже приостановили бег по воде. Оклики покатились от одного судёнышка к другому. Все смотрели в одну сторону. Лес над обрывистым берегом, который они только что покинули, точно ожил. Из него, утреннего, серого, мрачного, тенями выходили казаки. Соловей и Вороной до рези в глазах всматривались в эту зловещую картину. Смотрели и улыбались. Казаки были вооружены пищалями и саблями. Иной держал две пищали сразу. До поросшего зеленью края им оставалось всего несколько шагов. Вторые пищали казаки укладывали у ног, а сами уже тянулись к краю обрыва…

Две с половиной сотни ногайцев были готовы к походу.

– Идём вдоль берега, – сказал своим сотникам Нарыс-Урум.

И тут смертельная опасность волной ударила по ногайцам. Так бьёт в лицо путника порыв ледяного ветра. Нарыс-Урум поднял голову к обрывистому берегу, поросшему зеленью, подняли головы на тревожный шум и другие степняки. На них сверху, вдоль всего берега, глядели бородатые физиономии разбойников, и зорко сверху вниз смотрели пищали – чёрные жерла стволов. Гнев и ужас отразились в глазах ногайцев.

– Вот и конец твой пришёл, сучий сын, – легко бросил один из бравых казаков Нарыс-Уруму. – Чёртово отродье!..

Этого казака ногаец рассмотрел хорошо! В глаза начальнику конницы глядел загорелый бородатый детина – злой и весёлый, одетый, точно князь, в лёгкий изумрудный парчовый кафтан и алую шапку, с огромной золотой серьгой в ухе. Смерть свою увидел в этом человеке сын привольных каспийских степей!..

– Шайтан! – хватаясь за рукоять кривой сабли, только и успел хрипло выкрикнуть Нарыс-Урум.

Выстрелом из пищали командиру ногайской конницы снесло пол-лица. К бою степняки готовы не были: слишком неожиданной вышла роковая встреча! Более сотни прицельных выстрелов прогремели почти одновременно, уложив ровно столько же врагов. Отбросив первые ружья, казаки подняли вторые – и уже через считаные секунды вновь задымились фитили. Казаки подбивали мечущихся вдоль берега ногайцев так, как охотник бьёт куропаток. Степняки

хватались за луки и мечи, но падали, отброшенные выстрелами, в воду. А разбойники искали новые жертвы. Это была настоящая бойня. Кровавая, безжалостная, справедливая! После огневой атаки на песчаном волжском берегу осталось не более полусотни ногайцев, разом потерявших волю к борьбе. Кровь убитых и смертельно раненных растекалась по воде, спокойный прибой подхватывал её и выплёскивал на берег. Ногайцы и готовы были сдаться, но куда там! Вытаскивая из ножен кривые сабли и длинные черкесские ножи, казаки уже прыгали на песок, чтобы устроить долгожданную лютую резню…

Левый берег вздрогнул от отдалённой пальбы. Эхо выстрелов неслось через Волгу. Все – и русские воины, и ногайцы, и бухарцы – бросились к берегу. Всем было ясно: за том берегу засада! Там идёт бой! Но поскольку палили ружья, да палили на всю проснувшуюся реку, а у ногайцев ружей не было, то становилось ясно: казаки! Дождались своего часа! Подстерегли добычу!..

– Неужто перехитрили? – сжимая рукоять сабли, шептал Василий Пелепелицын. – Обошли, разбойники… Где Стёпка? – завертел головой посол. – Где, сучий сын?! Он же всё знал!

Но паренька и след простыл. Смертельно бледный, командир бухарского каравана мял пухлые кулаки и, кажется, готов был упасть на колени и разреветься. Но что он терял в случае беды? Добро! А вот сыну боярскому Василию Пелепелицыну будущее виделось совсем худым. Для него, русского посла, это была катастрофа. Всё рушилось – все его посольские планы! И все надежды русского царя на большой мир с Ногайской Ордой! Долгожданный, необходимый, спасительный мир! Ногайцы должны были оставаться неприкосновенны!

А что теперь? Всё шло прахом, всё…

Все теперь стояли вдоль берега и смотрели за реку. Даже постовые сбежались к обрыву. Чего теперь уже терять? Остатки ногайцев, обступившие Хасим-бека, рычали от бессилия и злобы. А сам Хасим-бек то и дело с ненавистью поглядывал на Пелепелицына:

– Ну что, сын боярский, сдержал ты своё слово?!

Ответа у Василия Пелепелицына не было. Не сдержал он слова! Обманул! Не от лукавства – от недоумия!

– Надо, надо мне было с ними плыть! – только и твердил посол. – Ой как надо было!

– Тогда и тебя, Василий Степанович, положили бы вместе с нехристями, – ответил ему ординарец. – Можешь даже не сомневаться…

Но оказалось, что худшее было еще впереди.

– Василий Степанович! – окликнул командира один из его ратников. – Сзади! Засада! Господи Боже!

Ту обширную местность, которую занимал их лагерь, обступал неприятель. Второй отряд казаков сотни в три растянувшимся пешим строем упрямо двигался на них от реки Самары. Одни казаки держали на изготовке пищали, другие были вооружены луками. Третьи шли с саблями наголо. Дай казаки-пищальники залп одновременно, то все – и ногайцы, и бухарцы, и русские, – кто тут был, повалились бы, а кто покатился бы с крутого берега вниз, в песок. Ногайцы переглядывались, стаскивали с плеч луки. Бухарская охрана вытащила мечи.

– Эй! – высоким голосом пронзительно выкрикнул горластый молодой казак. – Клади оружие! А не то смерть примите лютую! Все клади! И с коней сходи! А не то положим! Всех положим!

Казаки подходили ближе. Двести шагов, сто. Пёстрое воинство, вооружённое до зубов, только ждало команду. Пелепелицын всё понял разом. Сосновый остров разделял реку Самару надвое. За ними следили, наверное, давно, когда они шли ещё вдоль русла Самары, может, от её истоков. Ведь такому войску нужно было много воды – сам Бог велел продвигаться вдоль реки. Да и Самара не дала бы им заблудиться – вела к Волге! Но следили с другой стороны реки. Именно там, на Сосновом острове, и прятались казаки. И были у них только струги, ведь никто не слышал конского ржания. Они тихонько обогнули остров, доплыли до этого берега, вышли и поднялись по круче. Да что теперь гадать, как это было!

– Что делать будем? – спросил у Василия Пелепелицына один из его товарищей.

– Да, что теперь ты будешь делать, сын боярский? – спросил Хасим-бек. – Самое время вспомнить о своём обещании моему князю! Самое время…

«Воевать с казаками – гиблое дело, – шептались русские ратники. – Да их и больше в три раза! Куда нам? Все поляжем! Да и свои они…»

Посол Василий Пелепелицын пришпорил коня и вылетел вперёд, затем осадил скакуна. Потянул из ножен саблю. А казаки-разбойники уже были рядом. Посмеивались. У большинства в ушах сверкали золотые серьги. Они готовы были и дружбу предложить на своих условиях, и смерть посеять.

– Не балуй, командир! – сказал чернявый казак в заломленной шапке, в чёрном камзоле, расшитом серебром. В глаза бросалась его чёрная, как смоль, лопатообразная борода. Он шагал, окружённый отрядом самых сильных, самых хорошо вооружённых воинов. – Это ж не твоя война! У нас с этими бесами свои счёты! Кто ты таков, что с ними дружбу водишь?

– Я посол Его Величества царя Иоанна Васильевича! Боярский сын Василий Пелепелицын! Именем государя – остановитесь!

Но они и так уже встали друг против друга.

– А ты с коня слезь, если хочешь уважить меня, – сказал казак.

Василий недолго думая спрыгнул на землю.

– Уважил?

– Пожалуй, что так, – ответил свирепый видом вожак, в чёрной и страшной бороде которого сверкало редкое серебро.

– Тогда скажи, как тебя зовут?

– Богданом меня зовут. Богданом Барбошей, – язвительная улыбка не сходила с его резко очерченных губ. – Атаман я, отец всем этим казачкам! – кивнул он на свою рать. – А теперь я поучу тебя уму-разуму, боярский сын. Во-первых, ты в

Диком поле, – усмехнулся казак, держась за рукоять сабли. – Эта пядь земли ни ногайская, ни царская. Тут всяк себе хозяин! Кто смел, тот и съел! – Он оглянулся на своих товарищей. – А потом, и мы хороши! Мы тоже царю служим! Не так, как ты, конечно. По-свойски. Но ещё как служим! Мы из них, бесов этих, душу выбиваем, а царь-батюшка нам ружья да порох шлёт. А добро хазарское мы пополам делим. – Казаки шумной ватагой уже обступили широко открывшийся караван. – Вишь, добра-то сколько! – Казацкий атаман вытащил из ножен длинный нож, направился к поклаже и вспорол первый тюк – шелка полезли оттуда. – Ого! – воскликнул атаман. – Разбогател я нынче! – жадно захватил материал и потянул из мешка. – Роксане моей будет подарок! И бабёнкам моих казачков, да деткам их многим, что по сёлам да весям разбросаны! А бухарцев, – он кивнул на хозяина каравана, – самих на рынок свезём – продадим по дешёвке! Пусть мужикам послужат!

И вновь казаки заржали. И тут предводитель бухарского каравана не выдержал.

– Мои храбрые войны! – вырвав ятаган из ножен, закричал он. – Во имя Аллаха – защитим от неверных наш караван!

И, забыв, что неуклюж и смешон, побежал от берега вперед.

– Да плюнь ты на свой караван! – крикнул ему в спину Василий Пелепелицын. – Слышь, купец! Договоримся как-нибудь!

Но толстяк-бухарец не услышал его. Возможно, это была его первая и точно, что последняя, доблесть в жизни! Только имя Аллаха и заставило ожить бухарцев. Они бросились к своим животным, к своему добру – сотням тюков и верблюдам, лошадям. Для этого их и нанимали – охранять караван ценой собственной жизни! Но им стоило только дёрнуться. Казак в чёрном камзоле махнул рукой – и человек пятьдесят из обступивших караван разбойников разрядили свои пищали в бухарцев. Они рухнули тут же, рядом с тюками. Схватившись за простреленное горло, повалился и полный бухарский командир в пёстром халате.

Два казака обошли его с двух сторон. Поверженный бухарец хрипел и захлёбывался кровью.

– Молодец, хлопчик! – весело крикнул один из казаков. – В горло борову попал – не попортил кафтан-то! Не продырявил!

В предсмертной агонии враг всё ещё вздрагивал всей своей тяжёлой тушей.

– Да я теперича, коли Богдан позволит, одену и не сниму его более! – откликнулся второй. – Красив он! А кровь его хазаре, кто ещё жив, отмоют!

Казак в дорогом камзоле, назвавшийся атаманом Богданом Барбошей, вышел вперёд. Он поставил ногу на одного из убитых бухарцев.

– Ну а этот кто таков? – кивнул он на Хасим-бека, стоявшего у обрыва в окружении своих людей, готовых в любую минуту вступить в схватку и погибнуть за своего командира. – Глаз узкий, злой, недобрый! – Казачий атаман колко смотрел на Хасим-бека. – Шея так и просится под казацкую саблю! – он кивнул и на остальных ногайцев. – Как и всей этой нечисти. И не вижу я, почему мне не сделать так, как сердце моё велит…

Жестоки были казаки, оттого их и боялись. Но не более жестоки, чем ногайцы! Те не церемонились с русскими, казаки платили им той же монетой. Так же цинично, с тем же расчётом. Одним словом, око за око, зуб за зуб. У степняка совести нет, знали казаки, раскаяние ему неведомо. Кто сильнее, тот и победил. Даже не так: кто хитрее, ловчее, коварнее! Кочевым народам, вышедшим из монгольских степей, никогда не было присуще благородство. Это повелось ещё с Чингисхана. А как они воевали? Нападут на неприятеля и бросятся назад, точно испугались. Русские витязи за ними. А степнякам только этого и надобно! Затянут обманом на свою территорию, а потом со всех сторон бросятся тучами и перебьют куда более малого числом противника. Казаки платили степнякам той же монетой. Ничего не стеснялись!

С волками жить – по-волчьи выть!

– Перед тобой посол князя Уруса – Хасим-бек, я его в Москву везу, – сказал Пелепелицын. – И за него перед царём головой отвечаю. Захочешь убить его – убей и меня.

– Посол, говоришь? – Казак запустил руку в перстнях в широкую смоляную бороду. – Да зачем же мне посла убивать? Посол о мире хлопочет! Нет, посла я жизни лишать не стану. Разве я лиходей какой-нибудь? – Он оглянулся на своих казаков, и те весело заржали. – Тем паче, что его русский царь ждёт. А я такой

же слуга русскому царю, как и ты, сын боярский. И потом, меня и ребят моих караван интересует. Тебе – посол, мне – шелка и парча.

– А если я тебе скажу, что вырезав ногайцев на той стороне Волги, ты всех ногайцев с государем рассорил, – грозно сказал Пелепелицын. – И что государь тебе этого не простит! Что на это скажешь, Богдан?

– Скажу, что ты не прав! Мне государь всё простит! Это я с Иваном Кольцо, другом моим закадычным, два года назад Сарайчик сжёг. Вот почему черти приумолкли! Оглядываться стали даже в своих степях! Так что за пару сотен ногайцев простит меня царь. Посол-то вон – жив-живёхонек! За что пусть тебя поблагодарит. Если бы не ты, боярский сын, живьём бы его в землю зарыл, – взгляд атамана метнул лютый гнев. – Как они наших казаков зарывают! Сейчас Иван приплывёт, он и расскажет, как на той стороне было! Всё ли ладно вышло. А мы пока пир готовить будем…

Василий Пелепелицын смотрел с обрывистого берега на приближавшуюся флотилию. В лодках, ранним утром отвозивших на ту сторону ногайцев, теперь плыли казаки, устроившие засаду. Победители возвращались! Впереди шла лодка второго атамана. Вот рыбацкие судёнышки стали врезаться носами друг за другом в прибрежный песок. Какими же хозяевами казаки ступали на песчаный берег! Шумно смеялись, всё ещё переживая жестокую схватку.

– Вот он, их атаман Иван Кольцо, – держа руку на рукояти меча, сказал вставший рядом с Пелепелицыным ординарец. – Царёвыми слугами себя возомнили! Перевешать бы их всех вместе с ногайцами! Натерпится ещё наш царь от этих лиходеев!

– Ты свою шею побереги, умник, – усмехнулся посол. – Пока что мы в их власти. Одна радость, что теперь они союзники наши. А прежде и с нами церемониться не стали бы. Но в этот раз они оплошали…

Рассмотрев атамана Ивана Кольцо, вокруг которого бурлила ватага, Пелепелицын повернулся и двинулся к своим. Поспешил за ним и ординарец. Коли выжили в очередной раз, им пора было собираться в дорогу. Но с чем они поедут – вот вопрос! Ногайцы Хасим-бека были связаны и сидели смирно в стороне – ждали своей судьбы. На кострах казаки варили конину с пшеном. Бухарская прислуга, что осталась жива, копала могилы для побитых торговцев и

ожидала своей участи.

Но вот уже ватага второго атамана поднялась на берег…

Иван Кольцо шагал впереди в изумрудном кафтане, забрызганном свежей кровью, и алой шапке. С кривой саблей на боку и кинжалом за поясом. Богатырь, красавец! Ему уже доложили, что русский посол недоволен, гневом царским грозит. Потому улыбался волжский атаман, весёлый разбойник, щурил глаза. С ним подошли ещё несколько человек из ближнего круга. Василий Пелепелицын сидел на поваленном дереве, в окружении своих ратников. Они тоже ждали развязки кровавого дня.

Иван Кольцо взглянул на боярского сына.

– Ты царский посол? – спросил бравый атаман.

Иван Кольцо, умный, ловкий и хитрый, как любой одарённый разбойник, уже оценил, в какую историю попали нынче казаки. Как зло и круто закрутилась-завертелась эта история, каким мёртвым узлом завязалась она. Но он готов был разрубить любой узел.

– Я, – кивнул Пелепелицын.

– Что ж, будет тебе, о чём рассказать в Москве.

– Будет, – согласился Василий. – Зря вы это сотворили, зря не подумали прежде…

– Когда я ногайца вижу – я не думаю, боярский сын. За меня рука думает! Меч думает! Сабля, пищаль! Сердце моё казацкое думает. И говорит мне: накажи смертью лютой степного сына! Око за око!

За Иваном Кольцо от берега уже шли и его люди – целое войско.

– Я уже твоему другу Богдану всё сказал. – Василий Пелепелицын покачал головой. – Осерчает на вас царь. Люто осерчает…

– Чему быть – того не миновать, – заключил Иван.

Тут и увидел Василий Пелепелицын двух своих «рыбаков» – рыжего и чернявого. Они переоделись. На каждом уже был и кафтан, и шаровары, и сабли у бедра, и ножи за поясом. Они подошли, улыбаясь, встали за спиной Ивана Кольцо.

– Хочу представить тебе моих друзей-товарищей, – сказал атаман. – Иван Юрьев по прозвищу Соловей и Митя Бритоус.

– Добрые рыбаки, – мрачно усмехнулся Василий Пелепелицын. – И плотники добрые. Мастера на все руки.

Те осклабились ещё сильнее.

– А теперь пировать хочу, – сказал Иван Кольцо. – Завтра отправим тебя и ногайца твоего с дарами в Москву. Нас царь-батюшка жалует! Он нам всю Волгу подарил за службу! – атаман пригладил тёмную в рыжину бороду. – Ногайцев изведём и сами на этой земле государями станем!

Трупы ногайцев и бухарцев схоронили в ближних оврагах. На берегу Волги шёл пир горой. Уже давно опустилась ночь. Луна рассыпала по Волге щедрое золото. Горели костры. Звучали гусли, волынки, трещотки. Хмельные казаки плясали. Жалели, что в караване не было девок-персиянок. Без них что за веселье? А до ногайских улусов далеко было – так сразу и не шагнёшь! Но добрый улов – казна, товары и оружие – радовал разбойничьи сердца. За одной скатертью возлежали Иван Кольцо, Богдан Барбоша, Василий Пелепелицын, двое из его личной охраны, первые подручные атаманов.

Во время пира Иван Кольцо, по лицу которого скользили алые отсветы пламени, сказал Василию Пелепелицыну:

– Слушай, сын боярский, а я завтра сам к царю поеду! С тобой поеду! Расскажу ему, как мы ногайцев учим за оскорблённую мать нашу Русь! – Он сжал пудовый кулак в перстнях. – Как люто учим! Поверит мне царь! Не быть мне Иваном Кольцо, если не поверит мне царь наш батюшка!

Василий Пелепелицын, вкушавший мало, а пивший и того меньше, покачал головой:

– Дурное ты удумал, Иван. – Он кивнул: – Дурное…

– Отчего же?

– Говорю тебе: не стоит.

– Да почему? – повысил голос атаман, и сидевшие рядом тотчас же приумолкли.

– Ты мне не враг, – сказал посол. – Поверь на слово…

– А сын боярский дело говорит, – вдруг кивнул товарищу Богдан Барбоша.

– Да вы точно спелись! – рыкнул Иван Кольцо. – Так ты бы не поехал? – спросил он у друга Богдана.

– Ни за какие сокровища мира, – усмехнулся тот. – И тебе не советую, Ваня.

– Думаешь, осерчает? – спросил Кольцо у московского посла.

– Уверен в этом.

– Тогда подожду чуток. Я ему доказательство своей правоты покрупнее предоставлю!

– Хана Уруса к нему привёзешь? – с усмешкой спросил Барбоша.

Иван Кольцо покачал головой:

– Хана Уруса, может, и не привезу. Не срок ещё. Но крупную рыбку я для него поймаю. Слово даю!

– Ну-ну, – кивнул Барбоша.

Василий Пелепелицын молча слушал хмельных атаманов.

– А ты мне поможешь? – спросил Иван Кольцо у друга.

– Поймать – помогу, но с тобой всё равно не поеду, – с улыбкой покачал головой Богдан. – Мне всех дворцов Волга милее! Девьи горы – вот мои хоромы! Они от недругов схоронят лучше любых крепостных стен!

4

Несколько лет назад царь Иоанн Васильевич бросил свой зловещий притон – Александровскую слободу, откуда он управлял опричным разбоем, охватившим всю страну, где свысока решал, кого ему казнить, а кого миловать. Когда по единой прихоти государевой решались судьбы тысяч людей. Чёрную службу сослужила ему опричнина, оскорбив и ослабив весь русский народ, бессильным оказалось и разбойное опричное войско, когда десять лет назад при Молодях свершилась великая битва, не менее важная для русской судьбы, чем битва Куликовская. Земское войско выиграло ту битву! После этого царь стал казнить первых своих бывших опричников – тех, с кем делил застолья и распутства. С кем щедро делился чёрным своим сердцем! Многих знатных душегубов отправил он на тот свет. Одного только Малюту Скуратова, преданного пса, и оставил он из первого круга. Осталось позади уже и убийство сына, и показное покаяние, и просил он уже английскую королеву Елизавету приютить его, спасти от злых соотечественников, и трон уже передавал он Симеону Бекбулатовичу, а потом взял его обратно. Много начудил царь всея Руси! Первый чёрный скоморох, Калигула на русском престоле! Только куда более страшный, преступно засидевшийся на своём троне…

И вот теперь, измученный недугами физическими и душевными, он вернулся в Кремль. И как тут было не вернуться? Взойдя на трон, окружённый Ближней думой, великими духовными людьми, он начал путь триумфатора. Советники царя из Ближней думы присоединили и Казань, и Астрахань, и по византийскому образу, как наместника Бога на земле, короновали своего царя. Всё было! Великая сила и опьяняющий успех! А теперь, на исходе Ливонский войны, рушилось само основание Русского государства. Ближняя дума была садистски истреблена – иные советчики пришли ей на смену. И вот теперь Стефан Баторий

требовал отдать ему не только Ливонию, но и Псков с Новгородом! Шведы и датчане отхватили свои куски на Балтике. Не боясь смерти, черемисы дрались до последнего за свои земли. Волновалась Сибирь, то и дело нападавшая из-за Камня на Пермский край и грозившая идти дальше, и ногайцы-предатели вот-вот готовы были вновь спеться с Крымом и пойти на Русь. Всё здание Русского государства шло трещинами и сыпалось на глазах.

В такую вот годину и приехало ногайское посольство с Волги.

Два посольства въехали в Кремль. Пелепелицына заждались. Неспроста же Москва посылала своих людей в такую даль – в Волжское дикое поле! В палатах Василия Пелепелицына встретили двое царских вельмож из нового окружения Иоанна Грозного. То были бывшие опричники второго круга – Борис Годунов и Богдан Бельский. Оба заняли почётные места, когда царь велел казнить первых своих душегубов, возлюбленных своих братьев из чёрного воинства, прирождённых садистов и развратников. Эти двое таковыми не были – просто попали в своё время в кровавую реку, окунулись в нее с головой и поплыли по течению с остальными. А как ещё поступить было? Либо ты с царём, либо против него. Кто против, давно уже был замучен. А на других ближних царь всю вину за свои юродства и промахи возложил. Эти пока ещё были не шибко запятнаны, потому и пришлись ко двору. Тем паче что сестра Бориса Годунова была выдана замуж за блаженного или попросту недалёкого сына Иоанна Грозного – Федора. Породнился Борис с царем и рад был радёхонек! А сам женился на дочери Малюты Скуратова – Марии Григорьевне Скуратовой-Бельской. Был вначале кравчим у царя, то есть за вина застольные отвечал – почтенная должность, кстати! – а год назад и боярином стал. А Богдан Бельский ходил в чине оружничьего царя. Что тоже доверия царского требует, и родным племянником всё тому же Малюте Скуратову приходился. Все они были родня, одной кровью и кровью детей связаны. Но и разница в происхождении такая их разделяла – царя и Богдана с Борисом, – что рваться на чужое место смысла не было. Один – господин грозный, другие – псы его верные. Всё продумал царь Иоанн Васильевич, всё предусмотрел с новым окружением. Вот когда станут развращены кровью, деньгами и властью, тогда и об их удалении можно побеспокоиться будет.

А пока что – пусть похозяйничают!

Вот поэтому Борис Годунов и Богдан Бельский и встречали послов с Волги. Они многое делали вместе и вместе представляли в глазах других бояр силу.

Глашатай только что объявил: «Посол ногайского князя Уруса – Хасим-бек, чин Посольского приказа, сын боярский Василий Пелепелицын!»

Русский посол вошел первым, за ним – ногаец Хасим-бек.

– Наконец-то, Василий Степанович, – радостно воскликнул Богдан Бельский, – дождались тебя! А то слух прошёл, что раньше Рождества и ждать тебя уже не стоит…

Солнечно было в просторной посольской зале. Два вельможи двинулись гостям навстречу.

– Мы уже и забыли, каков ты лицом! – вторил ему Борис Годунов. – Я так думал, что ты через Индию к нам направляешься! – веселились царёвы слуги. Да и чего было не веселиться в палатах царских, за кремлевскими стенами! – Ну так Господь милостив, главное, добрался!

Оба вельможи были сытыми и довольными. В долгополых кафтанах – парчовых, расписных! Бельский – в изумрудном с золотым шитьём, Годунов – в чёрном с серебряным узором. Повидала эта опричная парочка смертей, загубленных человечьих душ на своём веку! На многое насмотрелись с лютым своим государем. Но сами выжили. Сумели, хватило ума. А ведь они были молодыми! Годунову шёл тридцать первый год, Бельскому – тридцатый. Но давно матёрыми волками стали – трезво могли оценить и человека, и своё грозное время. В этой паре Борис Годунов, уже боярин, шёл за старшего.

– Да уж лучше бы через Индию, чем так, как мне довелось, – усмехнулся Пелепелицын.

– А что случилось? – спросил со знанием дела Борис Годунов. – Посла ногайского от князя Уруса ты к нам привёз – молодец! Ждали мы его! Представь же его нам! Царь возрадуется!

– Хасим-бек, племянник князя Уруса, – сказал Пелепелицын, взглядом давая тому дорогу. – Прошу любить и жаловать!

Годунов поклонился долгожданному послу, ответил сдержанным поклоном и ногаец.

– Мы уже и дары приготовили хозяину его! – продолжал Годунов. – От царя-батюшки. Как залог нашей дружбы! Всё ли хорошо было, уважаемый Хасим-бек? Всем ли угодили тебе?

– Я сам хочу сказать, всё ли хорошо было, – вдруг проговорил ногаец.

Годунов и Бельский переглянулись.

– Говори, Хасим-бек, ничего не таи. Не обидел ли тебя наш посол Василий Пелепелицын? – спросил Борис Годунов. – Невниманием? Незаботой? Всё говори…

Посол Хасим-бек улыбнулся язвительно, но гнев уже пробивался через другие чувства, заполонял его сердце.

– Невниманием? Незаботой? Что вы, бояре! Василий Пелепелицын честь нам воздал! Да вот уберечь от воровских казаков не сумел. И нет в том его вины, коли царёвых слуг на Волге по пальцам сосчитать можно, а разбойников по Волге да по Самаре гуляет – великие тыщи!

Борис Годунов нахмурился, за ним насупил брови и Богдан Бельский.

– О чём ты, Хасим-бек? – спросил Годунов.

– Передумал я, Василий, скажи сам боярину, как было дело, – потребовал ногаец. – А я послушаю…

Василий Пелепелицын вздохнул:

– Прибыли мы по царскому повелению в Сарайчик, где нас, надо сказать, приняли не очень любезно, мы уже с жизнями попрощались. Поправь, Хасим-бек, коли не так говорю. Но потом договорились мы с князем Урусом. Дал он нам три сотни своих нукеров, дабы мы к его же лиходеям по дороге в столицу не попали, и поехали мы с бухарским караваном в Москву. Пред царские очи. Там, где река

Самара в Волгу впадает, устроили нам переправу. Казачки устроили. Поначалу войско ногайское перевезли на ту строну, и вот там казачки атамана Ивана Кольцо их и покрошили. А на той стороне, где мы остались, другой атаман – Богдан Барбоша – со своим воинством нас поджидал. Бухарцев и оставшихся ногайцев они тоже перебили. Только Хасим-бек со своими избранными людьми и остался. Упросил я за него. А то бы разделали, как барашков. Скажи, Хасим-бек, что не вру я.

– Было дело, боярин, – кивнул ногаец. – Коли не Василий Пелепелицын, и нас бы разделали эти звери!

– Но царских послов, слава богу, не тронули и послушали, – заканчивал свою речь Василий Пелепелицын. – Вот таким сладким было наше путешествие до Москвы.

И вновь переглянулись Богдан и Борис. Но куда тяжелее. Ушла благостность с их лиц. Новость была некстати! Совсем некстати! В одночасье рушились большие планы Москвы. Прахом шли.

– Так что вы скажете хозяину моему, князю Урусу? – вопросил Хасим-бек. – О каком мире вы нас просите?! – узкие глаза ногайца наливались кровью. – Вы же сами с казаками-лиходеями справиться не можете! И тех, кого в письмах и грамотах братьями называете, защитить от них не в силах! – Хасим-бек, которого неожиданно прорвало, в неистовом гневе сжал кулаки перед самыми лицами Годунова и Бельского. – Что я скажу своему князю Урусу?! Да он меня живьём в землю прикажет закопать за такой мир с Русью! – Взбешённый ногаец замотал головой. – Не бывать миру между нами! Не бывать!..

5

Иван Кольцо выполнил своё обещание. И Богдан Барбоша помог ему в этом. В жестокие недели середины лета 1581 года тысячи ногайцев из Орды князя Уруса перешли Волгу и грабили русские земли повсюду, куда им хватило смелости залететь. Больше всего досталось городам Алатырю и Темникову. Напившись русской крови, завалив обозы добром, степняки двинулись назад. Тысячи русских пленных тащили они за собой – в основном молодых мужчин и женщин,

чтобы обеспечить и себя рабами, и выгодно продать живой товар на рынках Каспия и Чёрного моря.

Один из таких обозов и подстерегли два казачьих атамана. Это случилось как раз в те дни, когда Василий Пелепелицын с послом Хасимом были на полдороге к Москве. Ногайцы переправлялись через Волгу в районе Девьих гор. Когда часть их войска перебралась на плотах на левый берег и, дожидаясь лошадей, оказалась пешей, по ним и ударили из засады казаки. Как всегда, били из пушек и пищалей, затем, уже верхом, резали ногайцев саблями и добивали пиками. Пеший ногаец – слабый ногаец. Другие степняки, только ещё вышедшие на плотах на реку, выли от бессилья, глядя на побоище. Но что толку! Это была крупная военная вылазка, продуманный стратегический манёвр, лихая месть за убиенных русских! Иван Кольцо и Богдан Барбоша ради такого предприятия созвали всех казаков со Средней Волги. Всех малых атаманов пригласили под свои широкие крылья! Шестьсот ногайцев перебили казаки в тот день, трёх мурз взяли в плен. Другие ногайцы так и остались на том берегу – кусать локти и ждать подкрепления. Полтысячи человек русского полона освободили казаки.

– Эх, – сетовал Иван Кольцо, глядя на связанных ногайских князьков, напуганных, злых, горящих ненавистью, – нет с нами Ермака и Матюшки! Вот бы Мещеряк порадовался этой сече! Никакой ливонец столько радости не принесёт казачьему сердцу, как эти вот степные морды!

Богдан Барбоша кивал, соглашаясь с Иваном. Их боевые товарищи – Ермак и Мещеряк – сейчас служили царю верой и правдой и сражались где-то в далёкой Ливонии – с немцами-рыцарями, поляками, литвой и многочисленными их союзниками. Позвали казаков – и они пошли! Один Матвей Мещеряк никогда бы не отправился в те далёкие края, не оторвался бы от Волги, но он всегда был правой рукой своего старшего товарища – Ермака Тимофеевича. Дал когда-то клятву спасшему его Ермаку – и теперь всегда был с ним.

– Как зовут? – спросил Кольцо у ногайца.

Этому степняку понадобился переводчик – не овладел ещё языком тех, кого считал своими рабами.

– Мурза Учмур, – сквозь зубы процедил ногаец.

– Что скажешь, Богдан? – спросил Иван Кольцо. – Не поменял бы ты на ливонца эту прокопчённую харю? – Атаман поставил ногу на плечо молодого мурзы и пнул того – опрокинул навзничь. Ногаец захрипел от злости и обиды. – Этого степного волчонка? Душегубчика ордынского?

– Да ни за что, – кивнул атаман Барбоша. – Ногайцев ловить в родных краях – оно веселее!

– Эй. – Иван обернулся к своим казакам. – Ванька Юрьев! Митька Бритоус!

Двое друзей, препоясанные саблями и кинжалами, были тут как тут.

– Что, атаман? – спросил огненно-рыжий Юрьев с золотой серьгой в ухе.

– Возьмётесь вот этого мурзу в Москву отвезти? Показать царю, кому он поверить решил? С кем он дружбу надумал водить? Да ещё рассказать, сколько этих волков мы положили на этом вот берегу и какой полон добрых христиан отбили?

Рыжий Юрьев и чернявый Митя Бритоус переглянулись.

– Как скажешь, атаман, так и сделаем, – согласился за обоих Иван Юрьев. – И расскажем, и покажем. Пусть царь порадуется!

– Добро, – кивнул Иван Кольцо. – Завтра же и поезжайте! Да возьмите казачков человек двадцать, – он подмигнул мурзе, – целее товар будет!

6

В Москву казацкое посольство въехало в начале августа. Стёпка Пчёлкин напросился ехать со старшими казаками – златоглавую поглядеть! Жара разливалась по столице воюющего со всем миром государства. Волжские казаки вели себя самоуверенно, важничали – как-никак, а привезли в столицу пленного мурзу! Надели яркие кафтаны и шаровары, самые дорогие сапоги.

– Гляди, казачок, вот она, первопрестольная! – говорил Юрьев парню. – Красотища! Бывал я и прежде тут, а всё не надивлюсь! На степной городок мало похожа, а?

– Ой, мало! – управляя конём, огибая торговцев, другой простой люд на улочках Москвы, отвечал Стёпка. – Как же они все уживаются-то друг с другом, а, дядь Иван?

– С трудом, смекаю я! Муравейник точно! – взгляд вольных людей притягивали храмы. – Одних церквей сколько! Да всё золотом покрыто! – Они подъезжали к оплоту столицы. – Кремль, гляди, Царь-град прямо! А вон и Василий Блаженный, так и рвётся к небу! Купола-то какие! Столица! Сейчас подлеца-душегуба подарим царю, – казак кивнул на пленного мурзу, – а потом по кабакам пойдём гулять! Пока не ополовиним все тутошние бочонки, назад не вернёмся!

Но всех казаков в Кремль не пустили. Только перового из них. Иван Юрьев как старший сказал своим: «В Замоскворечье ждите меня! Там в кабаках мёд да вино рекой льются! Только не упейтесь на радостях, меня подождите! – Соловья распирало от гордости за себя и своих героев-товарищей. – Тебя, Пчёлкин Стёпка, вольный казачок, это особенно касается!» – «Я без вас и глотка не сделаю!» – пообещал парень. «Вот и я о том же!» – кивнул его командир.

И потащил мурзу Учмура к царю.

В Кремле объявили: «Казак Иван Юрьев от волжского атамана Ивана Кольцо с подарком!» И вновь встречали послов два придворных человека – Борис Годунов и Богдан Бельский. Настороженно смотрели они на бравого казака, державшего за плечо связанного пленного мурзу.

– Здорово живёте, бояре! – сорвав шапку, низко поклонился Соловей.

– И тебе не хворать, – усмехнулся Годунов.

– Огненный какой! – глядя на рыжую казачью шевелюру, кивнул Бельский. – А кто с тобой? Кого ты нам с Волги привёз? От своего атамана?..

– Ногайский мурза Учмур! – усмехнулся Иван Юрьев. – Прошу любить и жаловать!

В этот раз Годунов и Бельский переглянулись по-особенному, и так у них это вышло, что казак нахмурился.

– Стало быть, ты в путах, как собаку, привёз ногайского мурзу – слугу князя Уруса, верного брата царя всея Руси? – спросил Борис Годунов.

– Что?! – нахмурился казак.

– Стало быть, казачок, вот как ты обращаешься с друзьями дорогими своего господина? – поднял брови Богдан Бельский. – А-я-яй, – покачал головой вельможа. – Как нехорошо…

Кровь так и бросилась в лицо казаку.

– Совсем нехорошо, казачок, – кивнул Годунов. – Развязать мурзу Учмура! – приказал он страже.

И те тотчас же бросились резать верёвки на руках мурзы. А в залу вошёл не кто иной, как Хасим-бек. Ему уже донесли, что в Москве его пленные сородичи! Что казачки их сюда и привезли. Те самые казачки, которые род ногайский при каждой встрече весело подсекали!

И едва увидел Иван Юрьев по прозвищу Соловей ногайского посла, как сердце его больно сжалось. Не в бедном кафтане стоял перед ним посол, а в одеждах с царского плеча! Такими кафтанами награждают только самых дорогих друзей!

– Да как же это?! – вопросил Иван Юрьев. – Пресветлый боярин! – воскликнул он в сторону Годунова. – Ногайцы по всей Волге лютуют! Тысячами русских людей в полон уводят! Мужиков вырезают, баб насильничают! Детей, как щенят, топят! Злодеи! – Соловей погрозил пальцем в сторону Учмура, который, сам ещё не понимая, что происходит, растирал запястья. – Его, хана Уруса, изверги и сейчас земли русские разоряют! Царь нам, казакам, так и велел передать: увидите ногайцев – бейте нещадно! – Слушая его, Хасим-бек посмеивался, а вельможи бледнели от речей казака. – А тот говорил и говорил: – Так вот, били мы их и будем бить! Око за око же! Сколько мы их, нерусей, на переправах порезали! А царь нам за то пороху давал, разве не так? А добро их половину себе взяли, а половину царю-батюшке привезли! Всё честь по чести! В чём же наша вина? Бояре?! Ведь всегда, когда наши казаки языков с Волги али с Дону или Днепра в

Москву доставляли, нас царь-батюшка ещё и одаривал! Разве нет?!

Лучше бы он этого не говорил! Даже придворным стало жаль лихого казака Ивана Юрьева, потому что не могли они не восхититься знатными схватками на Волге, стратегическими планами удалых казаков, когда хозяева русских окраин побивали целые армии степняков и часто без больших собственных потерь.

– Славный же был денёк! – в гневе и отчаянии выкрикнул Иван Юрьев. – Шестьсот голов положили! Всегда бы так все русские били ногайцев да крымцев, и прочую сволочь – давно бы уже извели всех супостатов!

Мёртвая тишина наступила после его слов в посольских палатах.

– Задачку ты нам задал, казачок, – запустил пятерню в бороду Борис Годунов. – Так запросто и не решить её. Тут совет нужен, точно, Богдаша?

– Точно, – кивнул Бельский. – Мудрый совет.

– А такой совет только один человек может дать, – предположил Годунов.

– Только один на всем белом свете, – поддакнул Бельский.

– Жди, – кивнул Годунов.

– А чего ждать-то будем? – упавшим голосом спросил Соловей. – А, пресветлый боярин?

– Судьбы, Ваня, жди, – со знанием дела ответил старший вельможа. – Ты ведь её и на Волге ждёшь, когда на стругах добычу караулишь, и в поле на коне, и в лесу, в засаде. А теперь в палатах кремлёвских жди…

И оба вельможи удалились из залы в дальние двери, которые вели в царские палаты. Иван Юрьев встретил взгляд Хасим-бека.

– Что глядишь, нехристь? – спросил казак.

– Жди, казачок, жди, – кивнул в ответ ногайский посол.

Вот когда Иван Юрьев пожалел, что не все ногайские головы срезали они с товарищами в те славные и кровавые дни на Волге, не всех басурман покрошили!..

Прошло с четверть часа, когда двери распахнулись, и в чёрном проёме появился страшный обликом человек – высокий и худой, высохший и лицом, и фигурой. Царь! Он запахнул парчовый халат на нижнем белье. Уже давно он был страшен лицом. Все пороки, все душевные недуги вылезли наружу. Резкие вертикальные морщины разрезали лицо, заострился крючкообразный нос, глаза прожигали всё, на что устремлялся взгляд изболевшегося душой владыки. Козлиная борода хвостом торчала вперёд. Кто ведёт дьявольскую жизнь, тот рано или поздно становится похож на дьявола.

Все разом поклонились. Мурза Учмур поклонился с особым почтением. Долго простояли в поклоне. И вновь подняли глаза на царя. За спиной Иоанна уже стояли верные слуги его – Борис Годунов и Богдан Бельский.

– Где тот супостат, кто ногайского посла Хасим-бека обидел? – спросил глухим голосом Иоанн Грозный. Сказал и уставился на казака. – Ты тот самый разбойник, стало быть?..

У Ивана Юрьева сердце залилось холодом. Так смотрел царь, точно уже приговор ему вынес.

– Так не забижали мы его… – пролепетал Соловей.

Вельможи вышли из-за спины царя.

– Как это не забижали? – спросил, стоя у правого царского плеча, Борис Годунов. – А людишек его кто на переправе вырезал? Не вы ли, казачки?

– Мы, но ведь так всегда было: они – нас, мы – их…

А царь с перекошенным лицом и змеевидной бородой так и сверлил глазами казака.

– И недавно это ты с прочими казаками-разбойниками на переправах волжских братьев наших ногайцев резал? – царь кивнул на мурзу Учмура, уже осмелевшего. – Вот этого мальчонку несмышлёного, как скотину, к нам приволок! (Учмур трепетал, но уже понимал, чья сторона верх берёт!) Мурзу! Почти князя! Ты, простой казак! Мужик! Вор! А?!

Иван Юрьев даже отступил: страшен был царь в недовольстве своём!..

– А не вам ли, казачкам, мы говорили, что посольство трогать нельзя? – спросил стоявший по левую от царя руку Богдан Бельский.

– Нам говорили, – пролепетал рыжий Соловей. – Но когда Сарайчик порушили да сожгли, сам царь-батюшка нам благодарность свою выразил, одарил богато…

И об этом зря Соловей сказал! Одно дело – на Волге хитрить и лукавить: кто кого в ловушку заманит, и совсем другое – в палатах царских слово молвить. Полсловца, коли они лишние, и вот уже голова с плеч! Сухое лицо Грозного даже исказилось в гневе.

– Будет вам ещё одна благодарность, – тихо сказал Иоанн. – Ещё богаче одарю! Хасим-бек, подойди…

Ногайский посол подошел к царю, тот вдруг протянул руки и обнял ногайца.

– И ты подойди, – поманил он пальцем мурзу Учмура.

Хасим-бек что-то быстро сказал – и юный мурза тотчас же подлетел под второе «крыло» Иоанна Грозного. Царь вздёрнул голову – и взлетела вверх его козлиная борода.

– Обнимаю вас за моего младшего брата князя Уруса, – молвил он. – А теперь скажите, какой судьбы вы желаете этому казаку? И какой судьбы пожелал бы ему ваш хозяин – князь Урус? – Царь смотрел в глаза бледному казаку. – Что скажете, то и выполню!

Не подал виду Борис Годунов. Но сердце его, повидавшего крови при дворе Иоанна Грозного, наглядевшегося на пытки и муки крестные, сжалось от горечи

и боли. Жалко ему было храброго казака, очень жалко! А вот у ногайцев уже злые искорки блестели в узких глазах. Хасим-бек бросил несколько слов мурзе Учмуру, тот также быстро ответил и ещё свирепее поглядел на своего недавнего обидчика.

– Я за нас обоих говорить буду, – вкрадчиво проговорил Хасим-бек. – Дозволяешь, великий царь?

– Требую! – ответил тот, глаз не сводя с казака.

Хасим-бек вспомнил недавний разговор в тех же палатах, когда он предстал пред очами русского царя со своим провожатым Василием Пелепелицыным. Вспомнил, как обласкал его, ногайского посла, русский царь, сколько речей лестных и сладких влил в его уши! А потом спросил, кивнув на Василия Пелепелицына: «А что про этого скажешь? Всем ли был хорош тебе мой посол?» Вот когда Хасим-бек понял, что жизнь посла сейчас в его власти. Хасим-бек тогда усмехнулся: «Скажу, что редкого дара этот посол. Коли бы не он, мой хозяин князь Урус не пошёл бы на мир. И я бы тут перед тобой не стоял. – Ногаец даже кивнул. – Была б моя воля, я бы наградил такого!» Иоанн Грозный с милостивой улыбкой взглянул на Василия Пелепелицына: «Так тому и быть! Будешь награждён, сын боярский. И за ум, и за отвагу, и за посольское разумение!..»

Вспомнил Хасим-бек тот разговор и сказал:

– Мой хозяин и брат князь Урус хотел бы твоего казака живьём заполучить, да ждать долго будет. Вдруг ещё уйдёт по дороге? Отобьют свои! Накажи его здесь, в Москве, великий русский царь, при всех и со всей его братией, что везла нас сюда. Смертью накажи. Вот какой судьбы я желаю этому разбойнику. А князь Урус, брат твой меньший, будет моими глазами смотреть на эту казнь! Коли так сделаешь, великий русский царь, передам я своему хозяину князю Урусу, что ты истинный друг его и старший брат, готовый заботиться о младшем своём брате и не дать его в обиду. – Хасим-бек глаз не сводил с казака. – Слово даю: всё так и скажу!

– Царь-батюшка, – пробормотал Соловей и бухнулся на колени перед Иоанном Грозным, – помилуй…

– Стража, взять его! – крикнул царь. – В темницу лиходея!

Хасим-бек сжал кулаки:

– И друзей его излови, великий царь, пока не прознали и не ушли! И к нему их всех, к нему! Судьбу делить!

– Слышишь, Бориска?! – взревел Иоанн Грозный. – И ты, Богдашка, слышишь? Гончими псами мчитесь к стрельцам! Приказываю всех людей по Москве бросить и казаков, что пришли с Волги, изловить! Лично в морды им смотрите – те или не те!

Годунов подтолкнул Бельского – и тот стремглав убежал отдавать распоряжения. В гневе был царь! И тотчас же появилась стража, схватила Ивана Юрьева по прозвищу Соловей.

– Царь-батюшка, помилуй! Выслушай меня! – кричал рыжий Соловей, которого тащили прочь из посольской залы. – Мы ведь слуги твои верные, а эти – падаль окаянная! За что русскую душу губишь, царь милостивый?!

Но царь даже не ответил на его вопли. «Боярин Годунов, скажи ты царю – заступись за нас! Ведь правы же мы!» – были последние слова казака Соловья. Но слишком многого просил он в ту пору у Бориса Годунова…

Боярин Годунов взглянул на своих ногайских гостей – на Хасим-бека и ещё не успевшего успокоиться молодого мурзу Учмура.

– Иди отдыхай, мурза! А ты, Хасим-бек, покажи ему палаты царские. Вечером пир устроим. Но вначале дело сделаем! То дело, что отлагательств никак не терпит! Верно, посол?

– Дело превыше всего, боярин, – лукаво поклонился Хасим-бек.

Уже через четверть часа царские люди искали волжских казаков по московским кабакам. Куда отправились казаки-разбойники праздновать свой триумф, знали все, кто сопровождал посольство, в Замоскворечье. Там днём и ночью шумели кабаки, бурлила праздная московская жизнь. Но перехватала стрелецкая стража

только половину волжских гостей. Самых хмельных. Был среди них и чернявый Митя Бритоус, и юнец Стёпка Пчёлкин. И скоро уже около десятка казаков бросили в ту же темницу, где сидел на каменном полу Соловей. Казаки – сильные, непокорные, свободолюбивые. Оттого руки скрутили верёвками так крепко, что пальцы уже немели. Рыжий рассказал ещё хмельным друзьям, что грозный царь дал слово исполнить волю ногайского посла.

– Неужто повесят? – тихонько спросил молодой казак Стёпка, так хотевший посмотреть Москву. – Из-за ногайцев поганых? – Он завертел головой в потёмках каменного каземата. – Да неужто, братцы?!

– Как он может нас повесить? – спросил Митя Бритоус. – Мы ж за него жизней своих не жалели? Ногайцев-извергов на переправах извели – тыщи! Не может он нас казнить…

– Одна надежда, что для острастки это, – мрачно заключил Соловей. – Что царь раньше отпустит посла и того мурзу, гадёныша, а потом и нас помилуют… Но я видел его глаза: страшен был царь, – Иван Юрьев понизил голос, – как чёрт, страшен!

– Поживём, стало быть, тогда и увидим, – согласился с ним Митя Бритоус.

Более им нечего было сказать друг другу. Но так, как хотели пленные казаки, не вышло. И случилось всё куда раньше, чем они думали. Вечером этого дня заскрипели засовы их каземата и открылась обитая кованым железом дверь.

Здоровенный охранник переступил порог и громовым голосом сказал:

– Иван Юрьев и Митя Бритоус – выходи!

Два казака поднялись с пола и двинулись навстречу судьбе.

– И третьего давай! – крикнули из коридора. – По трое пусть идут! Так им веселее будет…

Но кому идти третьему? Стражник вытолкал двух казаков, шагнул в каземат и уже там оторвал от стены первого попавшегося – им и оказался молодой казак

Стёпка Пчёлкин.

– А куда нас? – спросил казак.

– Туда, – кивнул на открытые двери дюжий стражник. – Пред боярские очи, вот куда!

Трёх казаков в окружении стрельцов, крепко державших факела и секиры, повели по кремлёвским коридорам. За их спиной тяжело и громко захлопнулась дверь, громыхнули засовы, лязгнули в гнёздах ключи.

– А на Волге-то нынче да на Самаре рыбка играет, – шагая, тихо сказал молодой казак Степка. – А, братцы? Дядя Иван? – У него зуб на зуб не попадал. – Невод бы ещё раз закинуть…

Но ни Иван Юрьев, ни Митя Бритоус не ответили товарищу.

Скоро их завели в сырой и холодный подвал. Тут казаки и оторопели: в середине каземата стояла плаха. На стенах горели несколько факелов – в их неровном свете казаки увидели огромный искромсанный пень, залитый кровью, давно превратившейся в чёрные пятна. Огромный страшный топор палача торчал из него. Несколько теней – силуэтов – стояли в отдалении.

– Выходит, не повесят нас, – усмехнулся Иван Юрьев.

– Да не взаправду же это! – хрипло вырвалось у Мити Бритоуса: он обратил лицо к силуэтам людей.

– Взаправду, казачок, взаправду, – сказал, выходя на свет, царский вельможа Борис Годунов. – Царя нет, он сейчас молитву творит, а вот друг твой здесь. – Он говорил ровным тоном, без злобы, точно читал скучную летопись. – Изволил сам всё увидеть.

За ним уже выплывал на свет и Бельский.

– На слово наше не понадеялся, – Борису вторил Богдан. – Говорит: «Спать не буду, коли сам не увижу! И князь мой, Урус, мне того не простит!»

За Годуновым на свет вышел и Хасим-бек, уже одевшийся в новое платье – в дорогой бухарский халат, который казаки привезли в подарок царю. Точно в насмешку надел его! Ногайский посол был доволен тем, что видел, – позорным унижением своих обидчиков. А ещё он не мог и не хотел скрывать ненависти, которая горела в его глазах и кривила губы, и самого откровенного злорадства. Ведь приближалась неминуемая расплата для его лютых врагов! И уже за ним из темноты вышел палач – здоровенный мясник в груботканой рубахе и фартуке. Этот мясник рубил головы и прежде – и князьям, и боярам, и надоевшим царю опричникам.

– А ещё сказал: сам хочу командовать казнью, – договорил Бельский.

– Что ж, Хасим-бек, – молвил Годунов, – коли царь обещал, что всё по-твоему будет, значит, так тому и быть! Уважь казачков – командуй!

С ненавистью взглянули все три казака на ногайца.

– Становись на колени – ты первым становись! – бросил ногаец Ивану Юрьеву.

Палач вырвал топор из колоды.

– Не твоей воле покорствую – царской, – проговорил рыжий казак. – Не стоило нам в Москву торопиться, братцы. Прав был Барбоша: Волга – она лучше! Ну так ничего не попишешь!

И он встал на колени и сам голову положил на бревно.

– Мы ж за Русь старались, – прошептал молодой казак Стёпка Пчёлкин, – пресветлый боярин!

– У царя свой резон, – мрачно молвил в ответ Борис Годунов. – Ну, Хасим-бек, не тяни!

– А ты не торопи меня, боярин! Этот изверг с дружками три сотни моих лучших людей побил! – прорычал ногайский посол. – И ещё шестьсот! Сам сознался! Я бы мог другую смерть ему пожелать! Сжёг бы я его! Или сварил заживо! Поэтому не торопи! Или сам царской воли ослушаться решил?

– Делай, как знаешь, Хасим-бек, – кивнул Борис Годунов.

– Нынче твоя воля, посол, – согласился с ним Бельский.

– Всех вас, казаков, изведём! – глядя в глаза Юрьеву, бросил ногаец. – Корень ваш подчистую вырвем!

– А кишка не тонка ли будет, сучий ты сын? – усмехнулся казак, которому терять было уже нечего. – Мы – так, щепка в твоём глазу! – Он говорил хрипло, тяжело дыша, ожидая удара. – А там, на Волге да на Дону, на Яике и на Днепре, да на Каспии, – нас великие тыщи! Степь ваша для вас могилой станет!

– Руби ему голову, палач! – зарычал ногайский посол. Он даже ногой топнул. – Встречай свою смерть, пёс! Руби собаку, руби!

Топор взлетел вверх. Молодой казак Стёпка не выдержал – отвернулся. Даже Митя Бритоус опустил глаза. Борис Годунов шагнул назад, в тень, точно не хотел ничего общего иметь с происходящим. Его примеру последовал и Богдан Бельский. И только рыжий казак Иван Юрьев по прозвищу Соловей смотрел в глаза склонившемуся над ним ногайцу – до последнего смотрел. Смотрел и улыбался!

Страшный хруст и тупой удар металла о дерево заставили молодого казака Стёпку вздрогнуть. Обмякшее тело палач отбросил в сторону. Страшным оно было – без головы! Из шеи густо сочилась кровь. А из темноты на них смотрела голова их товарища. И лицом она оказалась обращена к ним. Глаза были открыты и всё ещё полны ненависти: с этим чёрным чувством и умер казак. А еще великая тоска замерла в мёртвых глазах казака.

– Страшно, парень? – спросил Митя Бритоус.

– Ага, – глядя в темноту, едва слышно молвил Стёпка Пчёлкин.

– Ты смотри, Стёпка, смотри, – сказал молодому казаку бывалый казак. – Господь смелых любит!

– Да за что ж они нас так, дядь Мить?

– А за правду, Стёпка, за правду. Потому что у нас она своя, а у них – своя…

Когда топор палача только ударил – кровь брызнула в лицо ногайскому послу, заставила отшатнуться, но бальзамом она оказалась ему на сердце. И змеиная улыбка уже блуждала на его губах.

– Теперь – ты – Хасим-бек указал пальцем на молодого казака. – Ты, щенок! Ты!

Митя Бритоус плечом подтолкнул товарища к палачу:

– Иди, Стёпка, иди…

– Клади голову на плаху, щенок, – повелительно бросил Хасим-бек.

Стёпка оглянулся на товарища.

– Делай, как он говорит, делай смело, – сказал Митя Бритоус. – Я тебя провожу и сам пойду. Молитву какую знаешь?..

– «Отче наш» знаю, только её…

– Вот и шепчи её, парень, шепчи…

Стёпка подошёл к плахе, палач толчком поставил его на колени. Губы Стёпки дрожали. Он положил голову на дерево и что есть силы зажмурил глаза.

– Скоро свидимся! – когда палач занёс топор, сказал ему Митя Бритоус. – В казацком нашем раю…

Но дочитать молитву Стёпке не было суждено…

Глава вторая. Супротив Речи Посполитой

1

Яростный шестнадцатый век! Славное было время, когда русские, стряхнув ордынское ярмо, ринулись в наступление. Но не только Азия занимала их умы. Феодальная Европа, хищная, рыцарская, жадно вырывавшая из ослабленной Руси её плоть, должна была заплатить за прошлые бесчинства. Удивительное было время! Широко шагала молодая Русь! Смело шагала! В тринадцатом веке, когда татары-монголы прошлись огнём и мечом по раздробленным, ослабшим от внутренней вражды княжествам Киевской Руси, у русских людей опустились руки. «Божья кара!» – говорили они. Оставалось только терпеть. Кто не погиб и не спрятался, того увели в полон. Оставшихся, выживших, вернувшихся на пепелища, обложили данью. И вот прошло три века. Тяжёлым кошмаром тянулись они. Ещё в 1380 году на поле Куликовом Дмитрий Донской доказал, что и татары уязвимы, можно и нужно их бить. И хотя спустя два года Тохтамыш сжёг Москву, желанную победу уже нельзя было вытравить из сердца русского человека – обозлённого, отчаянно желавшего свободы. Спустя столетие Иван Третий отказался платить дань Орде, и в 1480 году на реке Угре, притоке Оки, два войска – русское и татарское – два месяца стояли друг против друга. И Ахмат ушёл – и закончилось ненавистное иго. Внук Ивана Третьего – Иоанн Васильевич первым венчался на царство. Стал первым русским царём! Ведь прежде царями называли ордынских ханов. Московская Русь крепко вросла в землю и уже никому не желала подчиняться. Завоевала татарские Астрахань и Казань, замирилась с ногаями на Волге, больно ударила по Крыму, считавшему себя первым наследником Золотой Орды.

И теперь посмотрела на запад…

В 1558 году двадцативосьмилетний русский царь Иоанн Васильевич объявил войну Ливонскому ордену, столетиями измывавшемуся над Русью. Не он объявил – Ближняя дума, первые его советники во главе с Алексеем Адашевым, князем Курбским, протопопом Сильвестром и другими патриотами своей родины. Это был осознанный выбор. Они решили: время пришло!

И заставили молодого царя обратить внимание на хищный, враждебный, вечно искавший войны Запад.

Два немецких ордена, образовавшись в бурях Крестовых походов на Святой земле и наконец вернувшись домой, заняли большие европейские земли. И не давали покоя соседям. Тевтонцы, немецкие рыцари, заняли Пруссию; меченосцы, те же самые немцы, – прибалтийские земли ливов и эстов. В 1238 году тевтонцы и ливонцы объединись, Ливонский орден стал подразделением Тевтонского. Между двумя орденами лежало Великое княжество Литовское. Столицей тевтонцев был город Магдебург, затем Кенигсберг; столицей ливонцев – Рига. Папы римские с особым удовольствием натравливали ордена на православную Литву и Русь. А рыцари и рады были стараться! Дай поживиться на дармовщинку, пограбить, позверствовать на землях схизматиков!

Злы и беспощадны были рыцари со своими врагами.

Ощутимый удар нанёс ордену Александр Ярославич, прозванный Невским за победу над шведами на Ладожском озере в 1242 году. Но самые тяжёлые удары воинственных немцев принимали на себя даже не русские, стоявшие в стороне, а Великое княжество Литовское. Гедиминовичи дрались с тевтонцами не на жизнь, а на смерть. В непрерывных войнах и набегах прошли два столетия. Всё решилось в 1410 году, под деревенькой Грюнвальд. На поле вышло тридцать тысяч литовцев и поляков. Были тут и смоленцы, ведь Смоленск входил в Русско-Литовское княжество, и чехи, были даже татары. Им навстречу вышло тевтонское войско числом более тридцати тысяч. Литовцев возглавлял великий князь Витовт, поляков – его двоюродный брат король Ягайло. Для средневековых времён это была великая битва! Немцы оказались разбиты наголову. В бою погиб магистр ордена Ульрих фон Юнгинген и великий маршал Воленрод. Пятнадцать тысяч с обеих сторон полегло в тот день, и пятнадцать тысяч немцев попало в плен. Великая битва, великий триумф! Прежней славы орден себе уже не вернул. В 1466 году он признал над собой протекторат Польши, а в следующем веке, в 1525 году, последний магистр ордена Альбрехт Гогенцоллерн объявил о роспуске ордена и секуляризации его земель. По воле императора Священной Римской империи Тевтонский орден или то, что от него осталось, стал называться герцогством Пруссия – и с тех пор началась его новая история, не менее, а, может быть, куда более значительная.

Но Ливонский орден, чьи земли лежали между Литвой и Польшей с одной стороны и Русью – с другой, продолжал крепко стоять на ногах. Он-то и стал целью молодого русского царя Иоанна Васильевича. Туда Ближняя дума направила полки. Туда, на запад, откуда столетиями приходили псы-рыцари и грабили Русь! Поляки и Литва разобрались с тевтонцами, Русь споёт за упокой

ливонцам.

Замысел был хороший.

Война с Ливонским орденом начиналась триумфально. Русские войска с громами и молниями прошлись по ливонской земле. Русские занимали крепость за крепостью, освобождали прибалтов, отписывали новые земли русским служилым дворянам. Мол, закончится война, вернётесь сюда помещиками. Пали ливонские города Дерпт, Нарва и многие другие рыцарские крепости. Был пленён и увезён в Москву магистр ордена Фюрстенберг. Русские прошли все орденские земли и достигли Пруссии. Ордену грозило полное истребление. И тут новый магистр Готхард фон Кетлер запросил перемирия, и русские самым легкомысленным образом это перемирие ему предоставили. Правда, у Ближней думы были свои резоны: во время передышки Русь решила нанести удар по Крымскому ханству. Так и случилось: удар был нанесен. По Крыму пролетела конница Данилы Адашева, вырезала много работорговцев-татар, много спасла русских из плена. Но в это самое время хитрый Готхард фон Кетлер изменил ход европейской истории. Поняв, что рыцарскому веку конец, он решил последовать примеру магистра тевтонцев Гогенцоллерна и, сложив оружие, в 1561 году попросил Польшу взять орден под свою опеку. Огромную территорию ордена тут же поделили между собой Польша, Литва, Швеция и Дания. Достался жирный кусок и самому Готхарду фон Кетлеру. Он с наследным титулом герцога остался править в центральной области Ливонии – Курляндии, с тех самых пор положив начало династии герцогов Курляндских.

А Русь оказалась лицом к лицу не с поверженным Ливонским орденом, от которого не осталось и следа, а с рядом сильнейших европейских держав. И эти державы даже не собирались обсуждать, кому принадлежат земли бывшего ордена. Война, о которой думали как о деле законченном, оказывается, только ещё начиналась.

Крестовый поход русских на Полоцк в 1563 году стал последним большим успехом в этой войне. В 1565 году Иоанн Грозный ввёл на Руси опричнину. С той поры всё государство раскололось на «своих» и «чужих». По-живому раскололось, не жалея судеб сотен тысяч людей. Великое искушение обогатиться за счёт бесправного соседа многим вскружило голову! Страх и предательство, злоба и ненависть чёрным недугом поползли по стране. И это в тяжёлую годину войны!

И если Русь задыхалась и кровью обливалась в гражданской резне, то у западных соседей, у её врагов, дела шли прямо в противоположную сторону: они мирились и укреплялись.

Потому что был общий враг. Да ещё с еретическим вероисповеданием!

В 1569 году по Люблинской унии Польша и Литва объединились в одно государство – Речь Посполитую, к тому времени ставшую полностью католической. Ничего более не осталось от Великого княжества Русского и Литовского, в котором говорили на русском языке, молились перед иконами в православных храмах и все ещё помнили, что у русских, рассечённых татаро-монголами, есть общая история. Эта история – Киевская Русь! На первый план шагнула Польша, до того не смотревшая в сторону Руси. Прежде ей надо было отбиваться от татар на юге и от тевтонцев на западе. Выживать надо было Польше! Но враг был повержен. И теперь дорога на Русь – через Литву и Ливонию – была для неё открыта! Но католическая Польша, тайный недруг православной Руси, пока ещё не готова была начать свой истребительный поход на восток. Не пришёл тот вождь, который бы надоумил шляхту на такой поход, не вдохнул в неё уверенность в будущей победе.

Да и слишком силён был восточный сосед…

Но фортуна уже отворачивалась от русских. К тому времени Русь ослабла. Раны, нанесённые ей, не заживали. Ещё в 1571 году крымский хан Девлет-Гирей прошёл с огнём и мечом через всю Русь и сжёг Москву. Сотни тысяч людей сгорели и были убиты, более ста тысяч уведены в плен – в ненавистный всем русским людям Крым! Царь позорно бежал! Но бежал из Москвы и хан Девлет-Гирей с обозом, потому что сам убоялся огня! Сгореть страшился! То, что от Москвы осталось одно пепелище, в том никто не сомневался! Чёрная пустыня и треснувший от жара Кремль! Сам Иоанн спрятался в Калуге.

На следующий год Девлет-Гирей пошёл добивать Русь. Теперь уже Иоанн прятался в опустошённом Новгороде, по которому сам же и прошёлся чумой. Но враг был остановлен. Молитвой, мужеством, отвагой. Волей Господа. Под деревенькой Молоди в 1572 году разыгралась судьбоносная для Руси битва. Русским войском командовал князь Михаил Воротынский, строитель засечных черт, первый полководец Руси. Его войско, земское, уступавшее по численности войску крымских татар, обратило врага в позорное бегство. С тех самых пор Крым перестал быть врагом номер один Русского государства. Какая же награда

ждала Михаила Воротынского, победившего крымских татар при Молодях? Грозный царь замучил героя до смерти – из ревности замучил, из лютой зависти! Меж двух костров приказал положить героя и сам подгребал к нему, корчившемуся и стонавшему от ожогов, угли. Имя Воротынского приказал вымарать из летописей! Но и своих вождей-опричников, оказавшихся плохими воинами, царь казнил одного за другим.

Трёхжильный русский народ! Истребляемый внутри, терзаемый внешними врагами, терявший лучших из лучших на полях брани и на плахе, он всё ещё сопротивлялся и не давал себя погубить, растоптать. А на европейскую сцену уже выходил новый недруг Руси – и почище всех остальных вместе взятых. Новый король Речи Посполитой.

Увы, такого неприятеля только злейшему врагу и пожелаешь!..

2

Неисповедимы пути Господа нашего – и что касается жизни простых людей, и королей, и могучих царств. Потянет Господь за одну ниточку, и распускается плотно свитый исторический клубок – судьбы целых народов ложатся в иное русло, идут в новом, неизведанном направлении.

Как говорит молва, королева Франции Екатерина Медичи решила отравить зятя Генриха Наваррского. Страницы его любимой книги злодеи пропитали ядом. Но вместо проклятого гугенота книгу взял любимый сын Екатерины – король Франции Карл Девятый. Слюнявил пальцы, листал роковой фолиант – энциклопедию по рыцарским турнирам – и вскоре умер. Едва коронованный на престоле Польши французский принц Генрих Анжуйский, узнав о смерти старшего брата, бросил ненавистную страну, случайно доставшуюся ему в наследство, и рванул домой – получать трон родной Франции. А трон Польши, а заодно и Литвы, вдруг остался пустым – наступило время безвластия. Кому же предложили трон? Победителю Ливонского ордена – русскому царю Иоанну Васильевичу! Нужен был такой вождь, который бы нашёл управу на турок и крымских татар. Но Иоанн, предчувствуя великую мороку, бесконечные тяжбы с гордыми и капризными польскими феодалами, отказался от такой чести. Пошёл на хитрость и предложил слабоумного сына Фёдора, но тут уже отказались

поляки. В недобрый час Иоанн Васильевич пренебрёг таким предложением – ведь пройдёт ещё немного времени, и государство, пока что стоявшее перед ним в вассальной преданности, станет его проклятием! Корону Польши предлагали императору Максимилиану, эрцгерцогу австрийскому Эрнсту, но досталась она в конце концов князю Трансильвании – Стефану Баторию. Выбору именно этого европейского князя предшествовал опустошительный набег крымских татар осенью 1575 года на владения Речи Посполитой – Волынь, Подолию и Червонную Русь. Шляхте нужен был сильный вождь, уже закалённый в битвах с азиатами, и хитрый и дальновидный политик!

Кого хотели, того и получили.

Стефан Баторий был не только умелым государственным деятелем, хорошим воином, но и просвещённым монархом: Баторий окончил Падуанский университет и позже, находясь в свите короля Чехии и Венгрии Фердинанда Первого в Италии, общался с многонациональными подданными на языке юристов – латыни. Обучаясь в католической Италии, Стефан попал под влияние иезуитов – позже иезуитские миссии были им открыты во всех крупных городах Польско-Литовского княжества, а в любимом городе Гродно Баторий основал иезуитский университет. Можно догадываться, что именно иезуиты подсказали королю направление движения, вечной экспансии Запада. Всё туда же – на восток! На бескрайнюю Русь! Не поляки же сами додумались до этого! Им бы тогда ещё не хватило прыти. А вот иезуиты – могли. Они и разбудили в поляках всепожирающую гордыню. Но так было надо! Тевтонцы уже сгорели в этом пламени вечных походов на Русь, сгорели и уставшие от битв ливонцы под натиском молодой Руси. Кому же теперь предстояло справиться с ненавистным православием, решали иезуиты, вредной ортодоксией, проклятыми схизматиками? Именно таковыми считали католики восточных христиан. Поляков и литовцев в том числе. Ведь нет более злых врагов, чем единокровные братья, однажды расколовшие одну веру! Миссия совершить этот «духовный подвиг» выпала католическим Польше и Литве – не зря же их крестили по римскому образцу. Да и материальная причина была всё та же: территории бывшего Ливонского ордена, завещанные ливонскими рыцарями Западу, должны были ему и достаться.

Но огонь, на котором кипела предприимчивая ненависть многих польских аристократов к Руси, оказался ещё сильнее, чем можно было предполагать. Помимо прав на ливонское наследство и жестокой иезуитской политики порабощения мира был ещё и третий удивительный фактор обоснования

польских поползновений на восток – на Русь. В XVI столетии польские историки, тотчас поддержанные наиболее читающими и думающими (увы, однобоко) аристократами, выступили с первой в Европе расистской идеей – об избранности польского дворянства. Даже германцы, «христианизировавшие» славянскую Пруссию огнём и мечом, не додумались до такого. А вот поляки – додумались! Они провозгласили благородную шляхетскую породу избранной среди всех прочих славян. Польские историки написали много трудов, где провозглашалась идея «сарматизма». Иначе говоря, в русле этой теории польская шляхта происходила от лучшего и наиболее цивилизованного древнего племени – сарматов, чья культура родилась задолго до германской. Сарматская культура ставилась в противовес всем остальным славянам, которые, по мнению поляков, произошли от степных дикарей – скифов. И в первую очередь потомками этих степных дикарей были, разумеется, русские! А значит, поляки – польская аристократия! – имели полное право помыкать всеми остальными славянскими народами. К тому же, как известно, сарматы заставили уйти скифов с исторической сцены. Так почему благородным полякам не заставить уйти с исторической сцены восточных славян – московитов?

Что и говорить, порабощение дикой Московии на долгие времена станет идеей фикс для Польши. Гордые своей кровью поляки станут биться головой в эту стену, проламывая в ней бреши. Разбиваясь в кровь, они даже сумеют пролезть на чужую территорию и похозяйничать там, но долго ли? История маниакального стремления завоевать и подчинить Русь однажды унизит их, как только может унизить история жадных и беспринципных грабителей, и выбросит с мировой арены как великую державу раз и навсегда. Но это будет много позже…

А пока что Стефан Баторий был полон решимости одолеть врага. С таким вот духовным подъёмом, поддержанный ободрённой шляхтой, он и обрушился на Русь. Курьёзным был тот факт, что сам Баторий имел к польской шляхте, к славянам и сарматам лишь косвенное отношение, ведь по крови он был венгром – потомком азиатов-гуннов.

Баторий вёл себя вызывающе нагло. Он дал понять царю Иоанну, что претендует на Полоцк и Смоленск. Ради войны с Москвой польский сейм назначил непомерно высокие налоги. Стефан Баторий пошёл на союз с ненавистными ему турками и привлёк на свою сторону султана, который пообещал Баторию помощь. Курфюрсты Саксонский и Бранденбургский также встали на сторону польского короля. К Баторию присоединились венгерские полки. В 1579 году Стефан Баторий осадил Полоцк, его войска разоряли Черниговщину и Смоленщину.

Полоцк был взят и разгромлен, Баторий продвинулся на восток и осадил Великие Луки. Город не выдержал натиска. За яростное сопротивление поляки вырезали всё русское население Великих Лук.

Иван Грозный первым попросил мира. Стефан Баторий потребовал за мир непомерную цену: всю Ливонию, Смоленск, Псков, Новгород и 400 тысяч золотых червонцев. Всем было ясно, что русский царь не пойдёт на такие условия ни при каких обстоятельствах. А это будет означать продолжение войны. Так и случилось: Грозный ответил отказом. Баторию только этого было и надо.

Теперь взгляд Стефана Батория был устремлён на древний город Северной Руси – Псков. Ведь за Псковом был Новгород, а за Новгородом – Москва.

Именно туда – на московский трон – метил удачливый польский король!

А вдруг улыбнётся капризная удача?.. Вдруг?!

В 1581 году стотысячная армия Батория окружила Псков. Жители могли рассчитывать только на свои силы. Они так и решили: «За Псков-град биться до смерти и без всякой хитрости». Что означало буквально: без переговоров о сдаче. На крепостные стены – обливать кипятком поляков и осыпать их камнями – поднимались не только мужчины, но и женщины. В эти месяцы жесточайшей осады Пскову суждено будет отбить тридцать один штурм! Каждый житель в эти дни станет героем своего города и всей Русской земли.

Но были и другие витязи, которые старались помочь псковитянам на дальних рубежах – в тылу врага…

3

Велик Днепр своей историей! Кого только не видел он на своих берегах! С какими странами и народами не сроднилась эта река! Древние греки называли её Борисфеном, римляне – Данаприсом. Отсюда и пошло короткое название – Днепр. Он брал начало в русской Смоленщине и устремлялся на юг. Сотни вёрст Днепр питал Белую Русь. А затем его воды встречала Украина. Русская окраина!

Но когда-то она была совсем иной. Центром славянского мира. Ведь на берегу Днепра возник Киев – отец городов русских. На его берегах, за порогами, родилась первая казацкая вольница, образовавшаяся в сильное и свободное государство – Запорожскую Сечь! На берегах Днепра встал город Черкассы, названный по имени охранителей русских границ – воинов-черкасов. И всё теплее и теплее, благодатнее и отраднее становились его воды к югу! А затем Днепр уходил к туркам, которые вот уже более ста лет хозяйничали на Средиземном, Чёрном и Азовском морях, и к их союзникам – крымским татарам, первым работорговцам подлунного мира. И не было ни одного русского человека или поляка, или запорожца, который бы не мечтал о том дне, когда добрые христиане сбросят пришлую нечисть в южные моря и потопят своих врагов раз и навсегда. Да только скольким поколениям предстояло ещё о том мечтать!

Но в северном течении Днепр был и тоньше, и спокойнее, великая река только начинала свой поход по Центральной Европе…

Тих осенними ночами Днепр под Могилёвом. Нет здесь шумных порогов, нет бурных стремнин. Этот край более других можно было назвать и русским, и литовским, потому что когда-то он занимал восточную область Великого Русско-Литовского княжества, выходившего границами к Московскому государству. Город Могилёв встал на излучине Днепра, где в большую реку впадала малая – Дубровенка. Тут, в Дубровенке, и стоял сейчас польский речной флот. Были тут и турецкие корабли, и венгерские. Они поднимались с низовьев Днепра. На одних были пушки, на других – провиант. В Могилёве сейчас собиралась большая сила для отправки её под осаждённый Псков.

С расстояния десяти вёрст могилёвский замок смотрелся грозным тёмным сторожем этих мест. Вытянутые крыши, крепостные стены. В редких окнах крепостных башен сверкали огоньки, разливая неяркий свет на всю округу, погружённую в тяжёлый сумрак осенней ночи. Справа под луной, за деревьями, сверкал Днепр. Тишина в округе стояла такая, что ею можно было укрыться и спать под ней непробудным сном.

У опушки леса, где дорога расходилась вилкой, раскатисто громко заухал филин. Ещё раз и ещё, точно настойчиво добивался ответа. И ответ последовал. Издалека! И вновь близко заухал филин. Звал и звал!

Скоро послышался стук копыт. На одном из рукавов дороги появился всадник – быстрой тенью он приближался к развилке. Всадник, при оружии, сабле и луке

за спиной, остановил коня на самой развилке. Огляделся. Приложив ладони к лицу, несколько раз прокричал ночной птицей.

– Слышу я тебя, слышу! – остановил его окрик. К нему из леса вынырнул другой человек, тоже вооруженный с головы до ног. Пеший. – Хорошо кричишь, Дышло! Тебе бы в лесу жить да людишек загулявших пугать! Всю бы округу заиками сделал!

– Ты сам меня и учил, Фома! – нетерпеливо бросил всадник. – Где вы теперь? Атаман ответа ждёт!

– Близко, Дышло, близко, – ответил пеший. – Мой тоже ждёт! По камышам наши лодки рассыпались в трёх верстах отсюда!

– Говори, что решили? – спросил всадник. – Что твой атаман велел моему наказать?

– Твой моего велел спросить главное: когда всё случится? Когда угольков под польские зады вы насыплете? Когда пятки им подпалите и гулять отпустите?

– Если время тянуть не будем, уже через час запылают посады вокруг Могилёва, – поглядев в сторону города, ответил всадник. – Туда и бросятся поляки из крепости! Со всей прыти бросятся! Решат, что напали!

– И правильно решат! Да соображать будут долго: кто напал?

– Именно! А когда поймут, Фома, кто к ним в гости пожаловал, глядишь, и с кораблей половину войска снимут, а то и поболее! Всё туда же бросят!

– А нам этого только и надо! – ответил пеший. – Я сейчас в седло – и мигом у своих. На вёсла наляжем – и сюда, вверх, к Могилёву! Плыть будем вдоль берега. И вдоль берега десятка два людей пустим. Коли рыбаки попадутся или загулявшие ляхи, то в расход! Как увидим пожар, станем время считать! Им ещё надо будет войско выставить!

– Даже если с кораблей людишек и не снимут, всё одно – смотреть будут на округу! – заключил всадник. – На пожар будут смотреть!

– Точно говоришь, – кивнул пеший. – Лети, Дышло, с Богом лети! Ляхам этой ночью горячо будет! Мы им и Полоцк, и Сокол, и Великие Луки, и всю землю днепровскую припомним!

Лёгкие казацкие струги медленно двигались вверх по реке. Путь им освещала яркая луна. Идти против течения было нелегко, но привычно. Корабли следовали гуськом, метрах в тридцати друг от друга и на таком же расстоянии от берега, на первой глубине. По Днепру шли казаки с Волги! Эту реку они знали плохо или не знали вовсе. Оттого проводниками были запорожские казаки. Вот кто знал Днепр на любом его участке! Это была их вотчина! На верховьях – у врагов-поляков – и в низовьях – у врагов-турков – они промышляли, посерёдке жили. Любой днепровский фарватер им был известен. Сейчас, как и в дни разбойных налётов на кого бы то ни было, чужой глаз не должен был увидеть казацкую армаду. Впереди, на большом расстоянии, шёл струг-разведчик. Если возникнет опасность – корабли турецкие, польские, иные! – с него и подадут сигнал. Едва слышно уходили вёсла в тёмную воду; вырываясь, расплёскивали серебро. Казаки разговаривали мало. Гребли больше молчком. Извечные разбойники окраин хорошо знали, что молчание не просто золото: подчас его цена – жизнь. Вдоль берега, меж деревьев, корабли сопровождали сторожевые пешие казаки, готовые зарезать любого случайного ротозея. Двигались они вровень.

На широком носу головного струга сидел могучий атаман. Крепко вцепившись ручищами в борт, он упрямо смотрел вперёд. Короткая борода и усы. Тёмные кудри. Седину скрадывала ночь. Взгляд – острый, из-под бровей. Было в нём что-то от грозного зверя, поджидающего свою добычу. Торс казацкого атамана облегала кольчуга с бляхами, с широкими наплечниками. Сабля у пояса, кинжал. Всё это говорило о том, что атаман готов к скорому бою. Атамана звали Ермаком Тимофеевичем. Был он приглашён с Волги, вместе с ватагой своей, воевать за царя и Русь. Не все вольные атаманы принимали такие предложения – Ермак принял. Но так было не впервой. Молодым казаком Ермак уже воевал в казацких сотнях под Казанью, был и на фронтах Ливонской войны. За атаманом, привалившись к борту, сидел ещё один здоровенный казак, чуть помоложе, в коротком кафтане и кольчуге поверх него. Этого звали Матвеем Мещеряком. Правая рука Ермака! Его тень и в бою, и на отдыхе.

– Селезень, сколько до Могилёва ещё? – вполоборота спросил Ермак.

Селезнем назвали сухонького немолодого казака в лёгком кафтанчике, с луком и колчаном, полным стрел. Козлиная бородёнка его тянулась к груди; длинный

чуб, как у всех запорожцев, змеёй сползал с выбритой головы. Селезень сидел ближе к носу, напротив Мещеряка, и тоже смотрел вперёд. Хоть он был и немолод, но взгляд имел, если приглядеться, не менее острый, чем у атамана. Стрелок! Он был из днепровских казаков. Его взяли, потому что знал он Днепр с юности как свои пять пальцев. Ловкий, как лис, Селезень был и заправским рассказчиком, чем особенно приглянулся волжским казакам.

– Да версты две будет, атаман, – спокойно ответил запорожец. – Скоро покажется волчье логово! Шляхетский вертеп! Никуда не денется!

Селезень не соврал. Вскоре из-за лесов проглянули очертания Могилёвской крепости. Все казаки оживились. Могилёв становился ближе, крепость чёрной скалой разрасталась вдалеке на фоне ультрамаринового неба.

– Теперь потихоньку, – сказал атаман гребцам. – Ждать будем весточку от Василя Янина…

Второй атаман, промышлявший на суше, должен был дать сигнал к наступлению. Один из казаков приложил ладони ко рту и гулко ухнул филином. Перекличка полетела по стругам, и те пошли тише. Вёсла на атаманском корабле мягко уходили в чёрную зыбь реки…

– Селезень, ты обещал нам историю рассказать! – глянув на спину Ермака, с вызовом прошептал Матвей Мещеряк. – Про диво дивное! И про то, почему ты, казак днепровский, а воды боишься!

Пожилой лучник-запорожец следил за округой.

– Не воды я боюсь, Матвей, а омутов!

– Один леший!

– Леший, да не один! – объяснил пожилой лучник. – Ладно, коли обещал, так расскажу, – подкрутив вислый ус, также шёпотом сказал он. – В низовьях Днепра это было, в Запорожье. Я оттуда родом. Юнцом ещё был! Лежу я в лодке. Отдыхаю. Вот так же, как сейчас. А лето стояло. Солнышко припекает. Вдруг слышу – всплеск. Сильный! Ну, думаю, рыба! Сом! Голову поднимаю. И вдруг на

борт лодки моей рыбачьей руки девичьи ложатся. И сама дева тут как тут! Волосы мокрые по плечам! Откуда, думаю, взялась? А она глядит и улыбается! И глаза – зелёные-е-е!..

Казаки-гребцы примолкли. Матвей Мещеряк обратился в слух. Даже Ермак, грозный атаман, и тот прислушался к рассказу запорожца.

А тот как ни в чем не бывало продолжал:

– И говорит мне: «Здравствуй, Селезень!» А я ей: «Здравствуй, дева! Откуда моё имя знаешь?» Она: «Оттуда». – «А-а! – говорю. – Ясно! Купаешься, милая?» Она мне: «Ага. Хочешь со мной?» А сам я смекаю: голая же она! Как же тут отказаться? Ну я ей: «Хочу!» – «Идём!» – говорит. «Иду!» – говорю. Портки сбросил, срамоту руками прикрыл и с лодки – плюх! Плывём! Хорошо так плывём! Вода тёплая! А дева всё на меня смотрит. А я – на нее. Глаза – изумруды! Светятся аж! «Я, – говорит, – за тобой давно слежу, как ты тут рыбку ловишь! – И ласково так добавляет: – Полюбился ты мне, казачок!» Я говорю: «Ну?» А она: «Ноги гну!» – и весело так говорит! А я чувствую, хоть она и дева, а силы в ней много. Уверенно так плывёт! «Так ты с этих мест? – интересуюсь я. Она: «Да прямо отсюда!» – и кивает на воду. «А как звать-то тебя?» – спрашиваю. Дева: «А ты догадайся!» – «Любава!» – говорю. Она: «Горячо! Но не то». – «Луша?» – «Не-а!» – «Марыся?» – «Совсем не то!» – смеётся она. И смотрит, смотрит мне в глаза! Точно душу украсть хочет! Ну, коли по нраву я ей, то, думаю, можно и дотронуться. Чуток хотя бы! Не ударит же! Я руку протянул к ней под водой и спины коснулся! Лопаточек! Нежная спинка! Я – ниже… И тут чувствую, худо мне, братцы! Сердце холодом сковало! А дева уже и лицом изменилась. Хищно глядит! Как рысь на птицу! «Ну что, Селезень, – говорит она. – Понял теперь, как меня зовут?» – «К-как?» – спрашиваю. А сам заикаюсь от страха! «Смертью твоей меня зовут!» – говорит она. Я оглянулся: где лодка?! Далеко! А мы на середине реки! Ударила хвостом русалка – и под воду. И тут меня за ногу – цоп! И вниз, вниз! Я её пяткой, пяткой, а сам воду уже глотаю! Но и я хоть невысок, да жилист! Вырвался я – и к берегу! А подо мной – бурун! Она всё цапает меня, цапает! Тащит! Страшноо-оо! Кричу я! Вырываюсь и плыву, плыву! Сам не помню, как вылетел на берег! Отдышаться не могу! А дева-то хвостатая вдруг выныривает и говорит: «Днепр – моя река! И ты – мой, Селезень! Всюду за тобой поплыву! Увидишь водоворот или омут – там я! Когда напьёшься всей горечи жизни человечьей, я приду за тобой!» Ударила хвостом и ушла под воду, – старый лучник вздохнул. – Вот с тех пор и боюсь я омутов, братишки!

Казаки слушали его в гробовом молчании. Вздохнуть боялись!

– Брешешь ведь, старик! – наконец сказал кто-то из молодых гребцов.

– Хошь – верь, хошь – не верь, а было! – Селезень пожал плечами. – Да с чего бы мне тогда воды остерегаться? Днепровцу-то? Я ведь то и дело в воду гляжу – жду её! Вот и думайте сами!..

Кажется, этот довод подействовал на гребцов – и старых, и молодых. Ермак снисходительно покачал головой. Матвея Мещеряка разбирал животный смех. Он закрыл широкой ладонью рот, чтобы не прорвало, но атаману хватило и этого.

– Вот что, сказочники, – сурово бросил Ермак. – Коли ляхи встрепенутся, то всех нас к русалкам отправят! У них пушек и пищалей много! И самих ляхов да турков в десять раз больше. Ясно?

– Ясно, – тихонько вздохнул Селезень. – Всё ты, Матвей, виноват! Расскажи ему про диво-дивное! А я что? Если просят…

Ожидание выходило томительным. Напряжение нарастало. Долго в тишине просидеть было сложно.

– А скажи нам, Селезень, вот что, – вновь тихонько заговорил Матвей Мещеряк. – Мы сами казаки волжские – с ляхами да литовцами воевали мало. Я так, к примеру, хорошо знаю, каков татарин на вкус. Или ногаец. Ногаец – тот посолонее, татарин – с горчинкой. (Едва подгребая вёслами, борясь с течением, казаки широко скалились рассуждениям весёлого Мещеряка.) Но коли судьба распорядилась с панове поближе познакомиться, скажи нам, Селезень, днепровская ты душа, каковы на вкус ваши ляхи?

Но Селезень отчего-то призадумался, только вздохнул тяжело. Точно о чём-то важном вспомнил!

– Говори, Селезень, каковы ляхи на вкус! – тихонько вторили Матвею гребцы – волжские казаки.

– Ну вас, балаболы! – как от стаи назойливых комаров, отмахнулся пожилой запорожец. – Чего пристали?

– Как это «ну вас»? – не унимался Матвей. – Как это «чего пристали»? Говори, каков твой шляхтич, коли на блюде окажется?

– Да за что ж вы меня так мучаете?! – вдруг хоть и шёпотом, но горячо вопросил пожилой казак с чубом. – За какие такие грехи?

– А что не так? – удивился Матвей.

– Да то не так, Матюша! У меня аж слюнки потекли от твоих разговоров про ляхов! – вспылил лучник. – Гордый шляхтич на блюде ой, как хорош! – загорелся Селезень. – И жареный, и вареный, и с кровью! Я так любого едал! Мне только подавай одного ляха за другим – я их, как жирных курят, могу разделывать. Ляжки, крылышки, грудка да голова! К любому случаю закуска! Вот как хорош лях!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/agalakov_dmitriy/bogi-voyny

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить